

А принимаю сей даръ, и Гялнусъ
не приниматъ спокойствія до техъ
поръ пока мщенье будетъ исполнено.

ПЕЩЕРА

С М Е Р Т И.

ВЪ ДРЕМУЧЕМЪ ЛѢСУ,

и Украше

МОСКВА.

1835.

ШЕЩЕРА

СМЕРТИ

ВЪ ДРЕМУЧЕМЪ ЛѢСУ.

СОЧИНЕНІЕ

Г-жи РАДКЛИФЪ.

АНГЛІЙСКОЕ СОЧИНЕНІЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Изданіе третіе.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы, по оппечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 7 дня 1854 года.

Ценсоръ Л. Цвѣтасвъ.

РОДОЛЬФЪ,

или

ПЕЩЕРА СМЕРТИ.

«Какое внушаетъ почтеніе приближеніе ночи подъ сими мрачными шѣнями!» вскричалъ мужеспвенный Родольфъ, проходя часшь самую дикую Чернаго Лѣса.

Солнце едва свершило половину своего пути, когда кавалеръ вошелъ въ сію ужасную пустыню, и до сей минуты, были первыя его слова, копорья у него вырвались. Его оруженосецъ, Морицъ, копорый сослав-

лялъ всю его свиту, не безъ удовольствія ихъ услышалъ; давно уже горѣлъ онъ желаніемъ начать разговоръ; но почтеніе до того времени заграждало ему уста. Томное молчаніе сихъ мрачныхъ уединеній было иногда прерываемо криками ночныхъ пшицъ, или біеніемъ ихъ крыльевъ; унымый и печальный шумъ, копорый, какъ казалось, присоединялся къ страху сей ужасной пустыни, и впечатлѣвалъ въ душъ робкаго оруженосца чрезмѣрный ужасъ, копорый возшелъ уже на самой верхъ, хопя причина пому не была еще видима и рѣшипельна.

« Ахъ! кавалеръ, вскричалъ онъ, непременно должно имѣть мужество столь же неуспрашимое, какъ ваше, дабы осмѣлился презирашь неизвѣсность сихъ пущей, и впус-

капсья споль смѣло въ самыя мрачныя мѣсяца сего обширнаго лѣса. »

« Я тебѣ видѣлъ, Морицъ, опвѣчалъ Родольфъ, оказавшаго свою храбрость въ сраженіяхъ : какую же споль великую опасность находишь ты въ семъ уединенномъ мѣстѣ? Какая же и моя неуспрашимость, когда никакого непріятеля не являешся? »

« Ужасное зрѣлище, насъ окружающее, возразилъ оруженосецъ, не довольно ли сильно, чшобы привесши въ шрепешъ душу самую швердую? Въ пустыняхъ, подобныхъ сей, царствуюшъ воздушныя привидѣнія, и духи смерти владычествуюшъ. »

« Совѣсть моя, перервалъ Родольфъ, не укоряешъ меня ничѣмъ, чшобы могло успрашишь меня мщеніемъ

адскихъ духовъ; я полагаюсь на небесное покровишельство, и ангели свѣща защищаютъ меня противъ злыхъ духовъ шьмы. Чшо же касается до человекъ, я никого не спрашусь, пошому чшо имѣю оружіе.»

«Дай Богъ, вскричалъ оруженосецъ, чшобъ я возвратился назадъ, прежде вспупленія въ сіе злосчастное мѣсто!»

«Ахъ! какъ могъ бы ты сего избѣгнушь? сказалъ кавалеръ; не самъ ли ты вызвался служишь мнѣ проводникомъ до замка Дорнгейма?»

«Я полагалъ въ него прѣхашь до захожденія солнца, говорилъ Морицъ; но вы шполь медленно ѣхали.....»

«Эшо правда, перервалъ его рѣчь Родольфъ: между шѣмъ, какъ вся

моя душа предавалась симъ споль пріятнымъ размышленіямъ, о коихъ ты одинъ извѣспенъ, я желалъ, проѣзжая сей лѣсъ, дать моей усшалои лошади нѣсколькo времени отдохнушь.»

Кавалеръ началъ опяшь впадать въ свою обыкновенную задумчивость, но оруженосецъ, копорый примѣтилъ, что звукъ человеческого голоса разсѣивалъ нѣсколькo ужасными привидѣніями, коими воображеніе его было одержимо, не имѣлъ желанія совсѣмъ прекратитъ разговоръ. И такъ какъ онъ вѣдалъ уже о любви своего господина, и зналъ удовольствіе, копорое кавалеръ находилъ всегда распространяясь въ шаковой маперіи, онъ воспользовался симъ удобнымъ случаемъ.

«Если я не ошибаюсь, сказалъ

онъ, шо мнѣ кажешся, сударь, что я ошъ васъ слышалъ, будшо бы тому уже при года, какъ вы не видали дѣвицы Конспанціи ? »

« Гораздо болѣе, возразилъ влюбленный кавалеръ ; и если я долженъ вѣришь моему сердцу, цѣлой вѣкъ прошекъ уже съ шѣхъ поръ, какъ я съ нею разлученъ. — Ахъ ! чего бы я не далъ , дабы узнашь, какъ она мменя приметъ ! »

« Конечно не возможно, сударь, сказалъ оруженосецъ, чшобы она была нечувствивпельна къ доспоинспву споль же опличному и къ посшоянспву спольже рѣдкому, какъ ваше. »

« Сколько я ни жилъ въ опдаленности ошъ нея, опвѣчалъ Родольфъ, я всегда себя шакъ ласкалъ ; собственное мое сердце само мнѣ льспи-

ло. Я знаю, это правда, что Копшанція хотя не изъясляла мнѣ никогда никакого благосклоннаго чувства; но знаю также, что она и ко всѣмъ оказывала равнодушіе самое примѣшное. Я могъ бы даже вывести лѣстное заключеніе изъ спараній, кошорыя она часно прилагала убѣгать меня. По истинѣ предполагая за вѣрное, что если бѣ нѣжность моя была для нея тайною, она не могла бѣ имѣть никакой причины поступать со мною ласковѣе, нежели съ другими; и если она открыла чувства, столь бережно скрывая, какъ мои, любовь одна могла бѣ обнаружить сію тайность. Какая другая побудительная причина, говорилъ я самъ въ себѣ, въ своихъ пріятныхъ, мечпаніяхъ; какая другая побудительная причина могла

бы приводишь ее въ споль сильную краску, когда я бросаль на нее взоръ, можешь бышь, слишкомъ спраспный, нѣжный; какая другая побудительная причина могла бы произвешъ безпокойство и смяшенія, которыя она оказала при опъѣздѣ нашемъ? Если бы она взирала на меня равнодушно, не просшилась ли бы она по крайней мѣрѣ со мною, когда я былъ споль долгое время близъ нея? Но слова замирали на ея губахъ; и какъ она ни прилагала спаранія скрышья опъ глазъ моихъ, однакожь я примѣшилъ нѣсколько слезъ, которыя вырвались изъ ея глазъ.»

Родольфъ оспановился, и былъ нѣсколько времени какъ бы разсѣянъ въ своихъ нѣжныхъ размышленіяхъ; но скоро пошомъ пришедши въ себя, сказалъ,» Вошъ разсужденія,

кои принудили меня сносить жизнь, пока я былъ изгнанъ ошъ ея глазъ, но нынѣ, какъ я приближаюсь къ мѣспу, въ кошоромъ она обипашъ; теперь, какъ ожиданіе ея увидѣшь, заставляетъ трепешашъ мое сердце съ чрезмѣрною силою, я не осмѣливаюсь болѣе льстишься сими сладостными химерами. Если же я обманулся, какъ будешъ для меня жестоко выйти изъ заблужденія; и даже, хопя бы драгоцѣнная моя надежда была на чемъ нибудь основана, хопя бы моя нѣжность была награждена нѣкопорою взаимностію, смѣлъ ли бы я вѣришь, что послѣ толико долгаго опсушспвія, я былъ ею еще не забышь, другой любовникъ, достойнѣе обладашь ею, не могъ ли бы испребишь меня изъ ея сердца? »

« Я часто бывалъ, сударь, приводимъ въ изумленіе, сказалъ Мориць, что съ столь сильною страстію къ дѣвицѣ Конспанціи, могли вы рѣшиться оставитьъ городъ Прагу, въ которомъ она пребывала, не опкрывъ ей вашихъ чувствованій, и не приложивъ всѣхъ усилій для полученія благосклоннаго признанія. »

« Я тебѣ сказалъ уже, Мориць, возразилъ Родольфъ, что я согласусь лучше умереть, нежели принудить Конспанцію, которой благополучіе дороже мнѣ было моего собственнаго, раздѣлять счастье человека, которой видѣлъ въ будущемъ столь мало средствъ возвестить оное въ степень, приличную ея достоинству. Я и теперь даже не имѣю столь дерзкихъ намѣреній; я хочу только ее видѣть, и если

мои желанія слишкомъ блуждаются, сердце мое въ пиомъ не участвуешь; можешъ бышь, что съ того времени, какъ мечъ мой доспавиль мнѣ нѣсколько славы, и когда я получилъ Рыцарской Ордень изъ рукъ Императора Фридерика Барберуса, и какъ сдѣлались мнѣ друзьями знашныя, копорые предлагали мнѣ свои услуги; можешъ бышь могъ бы зрѣшь въ опдаленномъ видѣ соспоянїе, копорое... Но я шебѣ шолько повпоряю, я не хочю оспанавливашься на сихъ лестныхъ идеяхъ.»

«Сколь велико разспоянїе, Морицъ, опъ замка Герцвальда, въ копоромъ она шеперь обитаешъ, до замка Барона Дорнгейма?»

«Съ небольшимъ миля, опвѣчалъ оруженосецъ. Въ то время, когда я жилъ въ замкѣ Дорнгейма, я часшо

бывалъ въ Герцвальдовомъ. Тогда владѣль имъ дядя дѣвицы Конспанціи, а ея опцу достался въ наслѣдство, тому назадъ нѣсколько мѣсяцевъ. »

Послѣ сего разговора наступило впоричное молчаніе, но Морицъ спараясь всегда оное прервать, спросилъ у своего господина, говаривалъ ли онъ когда о любви своей Фридрику Дорнгейму.

« Ныпъ никогда , опвѣчалъ Родольфъ; это правда, что съ той минушы, какъ я имѣлъ счастье спасти его жизнь во время одной башалии, онъ всегда оказывалъ ко мнѣ живѣйшую привязанность; но жестокость и нечувствительность его характера не позволяли мнѣ въ семъ случаѣ ему опкрыться съ таковою же довѣренностью, съ каковою могъ бы объ другомъ предметѣ. Нѣкогда

приглашая меня, какъ онъ часто шо дѣлывалъ, ѣхашь въ замокъ Дорнгейма, увѣдомилъ меня нечаянно, что онъ будешь имѣшь у себя въ сосѣдяхъ Конспанцінна опца; и я послѣ размышлялъ, что если бы онъ почувсвовалъ когда спрасшь, подобную моей, смяшеніе, причиненное его приглашеніемъ въ ту минушу, конечно обнаружилъ бы шайну моего сердца.»

«Съ самаго его малолѣтсшва, возразилъ Морицъ, Фридерикъ оказывалъ нравъ надменный и жестокій.»

«Скажи лучше неприступной къ сожалѣнію и нѣжности; и хошя я получилъ опшъ него многія доказапельсшва дружбы, хошя я еще болѣе увѣренъ въ покровипельсшвѣ Барона, опца его, я казался бышь благополучнымъ удалясь опшъ.....»

Но что это за неожиданное сияние, которое разливаешь сильный свѣтъ по нашей дорогѣ? Не луна ли это, которая выступила изъ облака, которымъ была покрыта?»

«Луна теперь скрылась, отвѣчалъ оруженосецъ, чувствовавшій возобновляющійся свой страхъ.

Родольфъ поднялъ глаза, но сплетенныя древесныя вѣтви изображали въ семь мѣстъ тѣнь, чрезъ кошую свѣтъ не проницалъ; онъ приближается нѣсколько къ мѣсту болѣе открытому, и тогда примѣчаетъ небольшое черное облако, отдѣленное отъ остатка атмосферы, колеблющее надъ его головою, съ частыми взадъ и впередъ движеніями, и кошораго полукруглые края бросали лучи свѣта и молній довольно сильныя, чтобы разсѣять

глубокой мракъ , покрывавшій тогда землю. Кавалеръ смотрѣлъ на шо съ симъ изумленіемъ и смяшеніемъ, ошъ конхъ душа не можешъ защищашся при видѣ воздушнаго явленія удивительнаго и сверхъестественнаго. Морицъ, обьяшый ужасомъ, съ согнушою спиною, ожидалъ въ безмѣрномъ страхѣ нѣкошораго злосчастнаго произшествія.

Тогда услышали они ужасный въ воздухѣ вопль , кошорый, казалось, превосходилъ человѣческія силы. Въ шужъ минушу облако лопнуло; части его самыя густыя разсѣивающся и смѣшивающся съ окружающимъ его воздухомъ; всѣ лучи свѣпа, кошорые оно бросало, соединяющся въ одинъ большой огненной шаръ , кошорый скоропоспшижно спремипся къ землѣ. Онъ упалъ въ средину группы де-

ревьевъ, и продолжалъ еще сверкать сквозь ихъ вѣтви. Кавалеръ понуждается немедленно свою лошадь, и спарается приблизиться къ помумѣсту. Тщательно опчаянный Мориць кричалъ ему препенущимъ голосомъ остановишься. Не взирая на его спрахи, Родольфъ скакалъ во весь опоръ, прочищая дорогу себѣ сквозь хвороспъ; онъ примѣшилъ висящее воздушное явленіе надъ входомъ мрачной и глубокой пещеры, копорая казалась вся освѣщенной его лучами; но въ шу минушу, когда онъ приближается, огненный шаръ спремишся въ пропаспъ и по маловременомъ его сіяніи насшупаешъ мракъ темнѣе еще прежняго.

Родольфъ колебался нѣсколько времени въ шомъ, чпо должно было ему предприняшъ. Сспремипельная его

храбрость, ввергающая всегда его въ глубину опасныхъ происшествій, побуждала сильно броситься въ пещеру. Тайное и неизобразимое предчувствованіе соединялось съ видѣніемъ воздушнаго явленія, для обнадеживанія его, что онъ достигнетъ до того, что откроетъ въ глубинѣ сего подземелья шайну, кошорая была предметомъ его любопытства; но съ другой стороны шемноша ночи, казалось, препящствовала ему въ пакетномъ открытіи. Пещера вѣроятно могла быть логовищемъ свирѣпыхъ и ядовитыхъ звѣрей. Долженствовалъ ли онъ подвергать себя ихъ ярости, и безъ славы погибнуть въ сей ужасной пропасти, жершвою непросшительной дерзости. На послѣдокъ, онъ рѣшился опложивъ предпріятіе до утра, въ

намѣреніи прибыть къ пещерѣ вмѣстѣ со днемъ; но смотря по времени, онъ разсудилъ лучше продолжашъ свой путь къ замку Дорнгейма, въ кошорый онъ уже спрашился поздно пріѣхашъ, чѣмъ бытъ въ немъ приняшу.

И такъ онъ соединился съ Моричемъ, надъ коимъ страхъ произвелъ споль сильное впечатлѣніе, что онъ лишился разума. Бѣдный оруженосецъ рассказываетъ своему господину, что онъ былъ преслѣдуемъ духомъ, что слышалъ страшный ревъ, происходимый изъ пещеры.

Родольфъ, хотя и былъ пихаго и крошкаго нрава, пошерялъ наконецъ терпѣніе, воспалился гнѣвомъ на шрусость своего оруженосца, и укорялъ его за глупыя боясни съ такою силою, что поспешенно возвращилъ ему разсудокъ, и привелъ въ себя.

Лишь только двое нашихъ путешественниковъ сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ увидѣли сквозь деревья великій свѣтъ. Морицъ вдругъ зашрепепалъ, и хотѣлъ повернуть лошадь, ибо явленіе огненнаго шара возмущало еще его воображеніе и заставляло позабыть, что онъ находился близъ замка Дорнгейма. Кавалеръ заключилъ, что сей свѣтъ происходилъ отъ грома, и его мнѣніе было справедливо. Приближаясь болѣе, увидѣлъ, что вся фасада замка была иллюминирована; а сквозь шумъ, слышанный въ его окружности, различилъ онъ пріятный звукъ превосходной музыки.

Хотя сердце Родольфово было мало расположено увеселяться сими наружными празднествами, однако онъ съ удовольствіемъ примѣшилъ, что

моста еще не подняли, и что приврашники, спрегущіе входъ замка, еще не ушли; ибо намѣреніе его было, если бы замокъ нашель онъ запершымъ, лучше провести ночь въ лѣсу, нежели будишь всѣхъ въ сподъ неприличное время. При звукѣ рога, привѣшеннаго къ ворошамъ, они попчасть отворились. Сенешаль (*) приблизился, и пригласилъ благосклонно Кавалера войши, сказавъ ему, что въ сей день доступъ всякому былъ свободенъ. Родольфъ спросилъ немедленно у него: какое счастливое произшествіе подало случай къ увеселенію, кошорое онъ находишь въ замкѣ? Сенешаль ошвѣчалъ ему, что въ немъ праздновали

(*) Сенешаль, чиновникъ у знатныхъ особъ.

будущій бракъ Барона съ дѣвицею, въ копорую онъ влюбился недавно; и что онъ учредилъ въ сіе самое ушро, чтобы чрезъ три дни она всшупила во владѣніе замка. Попомъ Кавалеръ прѣбавалъ позволенія говорить съ Фридерикомъ, и его повели въ огромную залу, куда Фридерикъ не замедлилъ явиться.

Родольфъ приподнимаетъ нѣсколь-ко свой шлемъ и къ нему приближается; но Фридерикъ прежде, нежели совсѣмъ узнаетъ Кавалера, и не давая времени ему говорить, обнимаетъ его съ доказательствомъ живѣйшей нѣжности.

«Возможно ли, вскричалъ онъ, любезный другъ, что я васъ здѣсь вижу! Вашъ приѣздъ въ шаковое время былъ предметомъ живѣйшаго моего желанія; но я не осмѣ-

ливался надѣясь такового благополучія. »

« Сей пріятный пріемъ, дражайшій Фридерикъ, ошвѣчалъ Кавалеръ, ешь для меня новое доказательство ко мнѣ вашей дружбы; онъ усугубляетъ удовольствіе, которое я имѣю васъ видѣшь. »

« Не приписывайше восшоргъ мой единой дружбѣ, возразилъ Фридерикъ; выгода моя участвуетъ въ немъ много. Видѣшь васъ, конечно ешь великое удовольствіе для меня всегда; но нынѣ храбросшь, подобная вашей, можешъ содѣлать благополучіе моей жизни; вашъ пріѣздъ въ сіи мѣста испоргаетъ меня изъ ужасовъ опчаянія. »

« Какой ешоль злосчасшный случай, любезный другъ, можешъ васъ привести въ опчаяніе? Какой услу-

ги ожидаете вы опть меня? И до-
вольно ли я благополучень, чшобъ
рука моя могла бышь для васъ по-
лезна?»

«Теперь не время болѣе мнѣ изъ-
ясняшьяся. Въ срединѣ шолпы, кошо-
рая безъ разбора входить во всѣ по-
кои замка, могушь насъ услышашь:
завтра поупру мы поидемъ вмѣстѣ
въ лѣсъ. Между шѣмъ, я поведу васъ
въ госпиную; послѣ пушешествія
шолико многотруднаго, нѣскольکو
ошдохясвенія можетъ бышь для васъ
необходимо нужно; поидемте, но въ
срединѣ безпутшвъ и глупостей под-
лыхъ лѣшцевъ опца моего, пускай
воспоминаніе прежней нашей дружбы
займетъ ваше сердце, и что я васъ
нахожу шакowymъ же, какимъ каза-
лись вы мнѣ всегда, другомъ, на ко-
его могу положишьяся.»

Сія слова Фридерика, а болѣе еще смяшеніе и внутреннее безпокойство, которыя были примѣпны въ его видѣ, изумили и встревожили Родольфа; однако онъ повпорялъ предложенія своей услуги, и они пошли вмѣстѣ въ большую залу замка. Фридерикъ представилъ друга своего опіцу своему, окруженному въ то время великимъ множествомъ гостей, прибывшихъ брапъ участіе въ празднествѣ. Едва Баронъ услышалъ произнесенное имя Родольфово, онъ поспѣшно оборотился къ нему; но вмѣсто того, чпобъ сдѣлать привѣпшіе при шаковомъ случаѣ, онъ смотрѣлъ на него нѣсколько времени съ великимъ вниманіемъ, не говоря ему ни слова.

Родольфъ, который не ожидалъ шаковаго приема, остался въ изумленіи

и смущенія, а Фридерикъ казался чувствительно пронуть холодноспію своего отца въ разсужденіи друга, которому былъ онъ столько обязанъ.

«Государь, сказалъ онъ Барону, я уже васъ предувѣдомилъ, что это былъ сей великодушный Кавалеръ, который подвергалъ свою жизнь опасности самой очевидной, дабы изшоргнуть меня изъ непріятельскихъ рукъ въ минушу, въ которую, будучи въ усталости и слабости отъ попері крови, я не могъ защищаться.»

Послѣ сихъ словъ, Баронъ, проснувшись какъ будто отъ глубокой задумчивости, сказалъ:

«Я буду всегда спарашься, сынъ мой, всѣми удобными случаями доказатьъ ему, шакъ какъ и всѣмъ, ка-

кую цѣну полагаю я за сію жизнь, которую онъ спасъ.»

Потомъ обращаюсь къ Родольфу:

Храбрый Кавалеръ, сказалъ онъ ему, прошу простишь мнѣ сіе неумышленное разсѣяніе мыслей; въ эту минуту, когда вы вошли, разумъ мой погруженъ былъ сполько во множествѣ различныхъ размышлений, что имя ваше не вдругъ вспомянуло мнѣ неогрѣненное благодареніе, которымъ я вамъ обязанъ. Съ чистосердечною радостію объемлю избавителя моего сына, и изображаю чувствія почтенія и благодарности, которыя онъ давно уже въ меня внушалъ. Я весьма радъ видѣть васъ у себя въ замкѣ. Осмѣливаюсь себя ласкать, что вы мнѣ докажете долгимъ вашимъ пребываніемъ, сколько вы бу-

дете увѣрены въ удовольствіи, причиненномъ вашимъ присупшвіемъ.»

Родольфъ сдѣлалъ на сіе привѣтствіе приличный отвѣтъ, и послѣ нѣкопрыхъ учтивостей, Баронъ предложилъ ему скинуть его оружія; Кавалеръ отказался; но будучи убѣждаемъ усиленными прошеніями, онъ напослѣдокъ согласился, и удалился въ особливую комнату; онъ нашель въ ней своего оруженосца и одного изъ слугъ замка, который поднесъ ему, по приказанію Барона, весьма богатую одежду, дабы онъ въ оную одѣлся, когда скинешъ оружія.

Между тѣмъ какъ Морицъ скидывалъ перевязь, Родольфъ примѣшилъ, что рука его дрожала.

« Какъ, сказалъ онъ, ты еще не

оправился опъ ужаса, коимъ былъ ты объятъ въ лѣсу?»

Оруженосецъ въ помъ признался.

«Развѣ съ вами случилось какое нибудь печальное приключеніе въ семъ лѣсу?» спросилъ Бароновъ слуга.

«Мы проходили близъ входа одной пещеры, опвѣчалъ Родольфъ..... Но никшо не можешъ шебъ пересказаць обстояшельнѣе, какъ самъ Морицъ, объ ужасныхъ привидѣніяхъ, кои, онъ ушверждаетъ будшо бы видѣлъ.»

«Входъ пещеры! вскричалъ слуга, и близъ сего замка?»

«Едва ли будешъ полмили разстоянія,» опвѣчалъ Кавалеръ.

«И вы въ ней ничего не видали?» сказалъ слуга.

«Чпоже бы могъ я въ ней, ви-

двѣпъ?» спросилъ Родольфъ съ нѣко-
порымъ содроганіемъ.

« Сполько ужасныхъ предметовъ
оказалось въ семъ злосчастномъ мѣ-
спѣ, отвѣчалъ слуга, что съ дав-
няго времени уже никто не осмѣ-
ливаеца къ нему приближисья.
Сія пещера конечно еспъ жилище
злыхъ духовъ ; часто слыхали вы-
ходящія изъ нѣдръ ея шомныя сте-
нанія, или мучительные вопли, ино-
гда шумъ подобный источнику, или
грому, угрожающему издали въ шу-
чахъ. Всеобщее мнѣніе еспъ шо, что
въ семъ мѣспѣ было учинено смертю-
убійство, и что душа умершаго при-
ходитъ обивать въ мѣспю, гдѣ она
была разлучена съ своимъ трупомъ.»

« Морицъ, сказалъ Родольфъ; сей
слухъ носился ли здѣсь, когда ты
жилъ въ замкѣ ? »

« Я о томъ нѣчто слышала, сударь: «опвѣчала оруженосецъ, поблѣднѣвшій больше еще прежняго.

« А сколько тому, какъ сіи слухи и видѣнія начали дѣлать сію пещеру страшною? » спросилъ Кавалеръ.

« Мнѣ сказывали, сударь, опвѣчала слуга, что первое чудо, поражающее взоры, было сіяющій свѣтъ, кошорый окружалъ входъ пещеры тому двадцать пять лѣтъ, около того времени, какъ пеперешній господинъ сего замка прибылъ получить оный въ наслѣдство. Впрочемъ, я не могу ничего сказать вамъ въ семь случаевъ вѣроятнѣе; ибо едвали будетъ при мѣсяца, какъ я живу здѣсь, и всѣ происшествія столь давней эпохи были мнѣ различно рассказаны

разными особами, живущими въ семь замкѣ. »

« Но ты, Морицъ , перехватилъ Родольфъ, пріѣхавшій жишь сюда съ пеперешнимъ господиномъ , не можешь ли вспомнить о подробностяхъ явственнѣе оныхъ. Не имѣешь ли какого познанія вѣрнѣе о томъ, о которомъ говоряшь, что былъ убитъ? Не знаешь ли, какая бы это была особа ? »

« Вѣроятно, какой нибудь путешественникъ, проѣзжающій сей лѣсъ, отвѣчалъ оруженосецъ. Впрочемъ сіе смертоубійство было ни что иное, какъ неосновательный слухъ; а сія пещера была уже страхомъ для всѣхъ сосѣднихъ деревень, гораздо прежде того , какъ Баронъ поселился въ семь замкѣ. »

« Сія пещера имѣеть ли какое особливое имя? спросилъ Кавалеръ. »

«Ее называютъ *Пещерею Смерти*,» опшвѣчалъ слуга.

Родольфъ переспалъ болѣе вопрошашъ и пребывалъ въ мрачномъ молчаніи. То, что съ нимъ самимъ приключилось, чудо, копорому былъ онъ свидѣтелемъ, не позволяли ему слышашъ безъ содроганія всего того, что ему сказывали о семь лѣтъ, и повѣствованіе слуги живо впечатлѣвалось въ душѣ его; желаніе, копорее онъ имѣлъ, проникнушь въ самыя глубокія пропасти пещеры, возгоралось опъ часу болѣе; онъ разсудилъ, что будетъ благоразумно не ошкрывашъ намѣренія, копорое онъ желалъ произвешъ, не зная что, беретъ ли кто участіе пропшвшяся ужаснымъ ошкрытіямъ, ко-

порыя долженствовали бытъ заключеніемъ при его входѣ въ пещеру.

Когда онъ одѣлся, то возвратился въ большую залу, въ которой Баронъ и его сынъ приняли его съ новѣйшими доказательствами радости. Великолѣпный пиръ былъ приготовленъ. Баронъ посадилъ Родольфа подле себя на самомъ высшемъ мѣстѣ, обходился съ нимъ, какъ съ господемъ самымъ опличнѣйшимъ. Между тѣмъ Кавалеръ примѣчалъ, что Баронъ почасту устремлялъ глаза свои на него съ весьма примѣшнымъ вниманіемъ, и ихъ отвращалъ поспѣшно, когда онъ съ его глазами встрѣчался. Что же касалось до Фридерика, его унылый и мрачный видъ показывалъ довольное смяшеніе его души; онъ не принималъ никакого участія въ разговоръ, и если

иногда маловременная улыбка проникала мракъ его глубокой меланхолии, это только тогда, когда взоры его обращались на новаго гостя.

Когда Кавалеръ положилъ руку на столъ, сіяніе перстня, который былъ у него на рукѣ, поразило взоры Барона; онъ хвалилъ богатство онаго, и просилъ позволенія разсмотрѣть оный вблизи. Родольфъ скинулъ его не медля и ему представилъ; онъ сдѣланъ былъ изъ большаго рубина и осыпанъ бриліаншами. Баронъ смотрѣлъ на него съ величайшимъ вниманіемъ и увѣрялъ, что никогда столъ хорошаго онъ не видывалъ.

« Я весьма знапокъ въ галантерейныхъ вещахъ, присовокупилъ онъ, и не сомнѣваюсь, Кавалеръ, чѣмъ вы сами не имѣли весьма спонкаго и

знающаго вкуса въ семь случаев; я сужу о томъ по выбору, который вы сдѣлали въ споль совершенномъ камнѣ. »

Увѣряю васъ, сударь, отпѣчалъ Родольфъ, что я весьма мало способенъ цѣнить его; а что дѣлаешь въ глазахъ моихъ сей персень споль драгоценнымъ, то не богатство, которому я очень худой судья; но потому, что онъ есть единое наследство, оставшееся послѣ отца моего, кося лишеніе я всегда оплакиваю. »

Баронъ распроспранялся еще въ похвалахъ персня, и вручилъ его напоследокъ въ руки Родольфовы. Пиръ продолжался во всю ночь, и заря начинала уже появляться, когда госпи вспали и разѣхались довольными великолѣпнымъ приемомъ. Ба-

ронъ повель самъ Родольфа въ команду, которую онъ для сего пригоспавилъ, и послѣ самыхъ дасковыхъ привѣспвѣй, онъ въ ней его оставилъ. Возвращаясь, онъ встрѣпился съ Морицемъ, который шелъ къ своему господину. Онъ его зналъ особенно, и изъавилъ удовольспвѣе, которое онъ имѣлъ увида его въ своемъ замкѣ.

Я весьма сожалѣлъ, примолвилъ онъ, что пы нашель нѣкпорую причину неудовольспвѣя въ службѣ моего сына, и хопя пы его оставилъ, однакожь всегда можешь положитьсь на мою дружбу и покровительспво. »

Оруженосецъ его благодарилъ, и Баронъ сказалъ ему, что желая съ нимъ болѣе поговорить, желалъ бы, чтообъ онъ пришелъ завшра поушпру

въ его комнапу , какъ скоро онъ
вспанеть.

Мориць пошелъ пошомъ къ своему
господину, копорый скоро его оп-
пустилъ, и легъ спать; но много
прошело времени прежде , нежели
онъ закрылъ глаза. Таинственныя
слова Фридерика, меланхолія, въ ко-
порую казался онъ погруженнымъ:
все споспѣшествовало придашь Кавалеру
живѣйшее безпокойство о родѣ
пайны, копорую онъ долженъ былъ
ему ввѣришь. Но онъ былъ еще го-
раздо неперпѣливѣе войши въ пе-
щеру, о копорой рассказывали споль
спранныя повѣствованія. Онъ блуж-
дался въ тщешныхъ мнѣнїяхъ въ по-
водѣ къ шуму, копорымъ ушвержда-
ли, что слышали, и удивительныхъ
предметахъ, копорые, какъ сказы-
вали, видали; и онъ былъ легко увѣ-

рся , что сія пещера была театромъ какого нибудь ужаснаго смертоубійства. Однако, если бы самъ не былъ свидѣтелемъ происшествія, которое онъ почипаль за чудное, то счель бы сію молву за просипонародную сказку, которая была основана нѣкошорыми суевѣрными и легковѣрными креспьянами.

Наконецъ мысли его, которые рѣдко опвращались споль долгое время опъ предмета нѣжной его любви, обратились опяпъ къ нему съ обыкновенными размышленіями. Удовольствие видѣть себя споль близко опъ жилища Конспанціи, вселилось въ его сердце и опвлскло всѣ прочія мысли. Уже воображеніе его, какъ казалось, испоцило всѣ пріятныя обстояшества, которые могли бы провождать споль шрогашельное сви-

даніе, и онъ не перескавалъ приводить себя на память и углубляясь въ каждую изъ сихъ пріятныхъ мыслей, когда наконецъ, будучи въ усталости, онъ предался сну.

Сновидѣнія его были весьма разнообразны ошъ пріятныхъ мыслей, въ коихъ онъ заснулъ; они конечно были злосчастны, таинственны и ужасны. Ему казалось, будто онъ былъ за споломъ Барона; очаровательные звуки музыки раздавались еще въ его ухахъ, радость блистала въ глазахъ гостей, а свѣтъ великаго множества факеловъ придавалъ ночи сіяніе лучшаго дня, какъ вдругъ сія живая ясность зашмилась ошъ явленія густой пѣни, которая по пробѣгала по всему сполу, по оспаивалась висящею по срединѣ. Родольфъ и всѣ гости поднимаютъ глаза; они

видашь гнусное спрашилище и въ родѣ исполина, который медленнымъ полетомъ переправлялся по воздуху надъ ихъ головами. Его страшный и унылый видъ объялъ ужасомъ всѣ сердца; и между тѣмъ, какъ госпи уснарялись на него томные взоры, нѣкоторый голосъ, исходящій изъ подъ земли, произнесъ сіи слова:

«Роковой часъ приближился; исполнители мщенія готовятся разить виновнаго.»

Послѣ сихъ словъ, замокъ колеблется до основанія; спрашилище машетъ своими крыльями, и въ шопъ же мигъ густой шуманъ поднимается и покрываетъ всю залу. Родольфъ не могъ болѣе различать предметовъ; но въ срединѣ сего густаго мрака, при раза ужасные вопли поражали его слухъ. Вдругъ бы-

спрой лучь свѣта, происходящій съ восшока, освѣщаеть мѣсто, копорое занималъ Кавалеръ; онъ подымаешъ глаза, и примѣчаеть облако подобное тому, копорое въ лѣсу показывало дорогу къ *Пеццерь Смерти*. Скоро потомъ различаеть онъ среди залы война, покрытаго блиспающими оружіями и имѣющаго на своей груди знакъ Креста. Сіяніе, его окружающее, разсѣваеть шумань, и Родольфъ примѣчаеть, что изъ всѣхъ госпей, собравшихся на пирь, оспался онъ шолько одинъ. Гнусное спрашилище также исчезло при приближеніи сего, не шоль уже ужаснаго привидѣнія, копорый, сходя съ облака, и смопря на Кавалера очами, исполненными небесною благоспію, простеръ руки, дабы облобызашъ его. Родольфъ, будучи въ содроганіи,

каковаго онъ еще никогда не чувствовалъ, силился приближиться къ нему; но онъ не успѣлъ еще допро-
нухаться до привидѣнія, какъ все его
вещество исчезаетъ; блистающая
его броня пропадаетъ, и Кавалеръ
увидѣвъ, что онъ ни что иное при-
жалъ къ своей груди, какъ ске-
летъ, шрепещетъ и отступая отъ
ужаса назадъ, отвергая руки. При-
видѣніе однакожь не поверглось на
землю; но дѣлая движеніе въ воздухъ
окровавленной шпагою, копорою
сначала не дѣйствовало, оно произ-
несло сіи слова слабымъ и помнымъ
голосомъ: *Изъ сей оледенѣлой руки
прими сію шпагу, которая должна
отмстить за мою смерть, и при-
вести тебя въ принадлежащія тебѣ
права.* — И потчасъ оно исчезло.

Трепетъ и ужасъ разбудили Ро-

дольфа; члены его были покрыты холоднымъ попомъ; во время нѣсколькихъ минутъ едва осмѣливался онъ поднимать глаза, спрашась повстрѣчаться съ какимъ нибудь ужаснымъ предметомъ, и страхъ, который вкрался въ его сердце, былъ для него можетъ быть самое шрудное безпокойство, пошому что въ первый разъ почувсвовалъ онъ онаго прикосновеніе. Однако поспешенно онъ увидѣлъ, что все сіе было ни что иное, какъ сонъ; но какъ онъ ни прилагалъ старанія, дабы отвлечь себя отъ сихъ ужасныхъ воображеній, душа его чувсвовала еще вначашлѣніе онаго; онъ приписывалъ сему сновидѣнію скрытую важность и не вѣрилъ, чтобъ это могло быть пустое мечпаніе, произведеніе разгоряченнаго воображенія,

которое причиняло ему столько живое содроганіе.

Утро уже весьма приближилось. Родольфъ встаетъ, садится къ окну и предается размышленіямъ. Слова сего привидѣнія, которое вдругъ потомъ приняло столь гнусный видъ, раздавались еще въ его ушахъ, и онъ твердо увѣрился, что скоро нѣкоторое происшествіе откроетъ ему смыслъ сего оракула. Всѣ его догадки не позволяли ему опогдаться, кто бы былъ тотъ, за котораго привидѣніе, казалось, принуждало его къ мщенію, а иногда онъ принужденъ былъ думать, что это былъ тотъ, который, соображаясь съ проспонародными слухами, былъ убитъ въ *Пещерь Смерти*.

Онъ предавался еще сямъ размыш-

леніямъ, какъ увидѣлъ присланнаго оупъ Барона, который приглашалъ его завтракать въ свою комнату; онъ пошелъ и заспалъ Барона одного, который принялъ его весьма ошлично, и осыпалъ его всѣми похва-лами, какія только самая лестная учшivenessъ можетъ произвешъ. Онъ хвалилъ его характеръ, а особливо его героическія дѣянія; но всѣ сіи привѣщшвія причиняли болѣе Кавалеру горести, нежели удовольствія, коему чрезмѣрная скромность содѣ-лывала наказаніемъ похвалы самыя истинныя. Онъ немедленно восполь-зовался случаемъ обратить разгово-ръ на другіе предметы, и спа-рался ошвѣчать на всѣ вопросы, ко-порые Баронъ дѣлалъ объ земляхъ, копорыя онъ проѣзжалъ во время своего путешешшвія. Баронъ спро-

силъ его наконецъ, какое было его опечесиво?

« Я родился въ городъ Прагъ, сударь, » отвѣчалъ Кавалеръ.

« По сему опецъ вашъ былъ изъ Богеміи? » спросилъ Баронъ.

« Вамъ покажется можешь бытъ справно, сударь, отвѣчалъ Родольфъ, что я истинно не знаю, какое было опечесиво онца моего. Изабелла Фонъ-Гладдорфъ, мать моя, была изъ самой древней Богемской фамиліи; но я поперялъ въ малолѣпствѣ родишелей моихъ, и не могу ничего о нихъ помнишь. Я не знаю ихъ несчастій, какъ шокмо нѣкопоруую часшь, и по изъ повѣшвованій дяди, которому долженъ я воспитаііемъ. »

« Вы возбуждаете мое любопыпство, сказалъ Баронъ. Могу ли васъ

спросишь, какія сіи несчастія, въ коихъ вы находились, споль молоды, и васъ окружали?»

« Я не могу вамъ сдѣлать почнаго повѣспивованія, ошвѣчалъ Кавалеръ. Дядя мой въ своей молодоспи принялъ на себя Орденъ Мальшійскаго Кавалера, и обязался служишь у Бодуина II, Короля Иерусалимскаго, припѣсняемаго погда всѣми своими неприяпелями. Въ сраженіи, на которомъ Принцъ имѣлъ несчастіе сдѣлаться плѣнникомъ Турка Эмира Балака, всеобщая молва объявила, что дядя мой былъ убишь. Но судьба оставила его на мученія, гораздо жесточайшія. Онъ впалъ живой подъ власть невѣрныхъ, которые держали его въ жестокое невольничесшвѣ одиннадцать лѣшь; напоследокъ онъ выдумалъ нѣкошорое средство для

своего спасенія; но при возвращеніи въ Прагу, въ минушу, въ копорую ласкалъ себя позабышь свои несчастья въ обьяшїяхъ своего семейства, онъ жестоко обманулся въ своемъ надѣянїи. Опець и машь его умерли, такъ какъ и старшїй его брашь. Младшїй, будучи увѣренъ, что онъ болѣе не существовалъ, опказалъ все его имѣніе въ завѣщанїи дальнимъ родсшвенникамъ, не сдѣлавъ никакого въ его пользу исключенїя, въ предположенїи его возвращенїя.

«Сесшра его была одна изъ всей его фамиліи, копорая еще жила; но онъ упошребилъ многіе дни къ опкрышїю убѣжища, въ копорое она удалилась; когда же исканїя его получили нѣкошорый успѣхъ, какое безпокойство почувствовало великодушное его сердце при везрѣнїи на

сестру, лишенную разума, и оставленную на пропитаніе постороннихъ! Онъ узналъ отъ нихъ, что сія несчастная, послѣ смерти своихъ родителей, оставшись въ зависимости своего брата, заслужила немилость замужствомъ своимъ съ Албертомъ фонъ-Фаренбахъ, молодымъ чужестранцемъ, о которомъ они другаго ничего не могли сказать, кромѣ того, что онъ опличился въ рашорствѣ съ однимъ благороднымъ Богемцемъ, его соперникомъ.

« Спустя нѣсколько времени, взявши ее за себя, онъ принялъ крестъ, и отправился сражаться съ невѣрными, дабы совершить желаніе, которое онъ имѣлъ еще прежде, нежели думалъ жениться. Послѣ двухъ лѣтъшняго отсутствія, слухъ о его смерти распространился. Супруга

его не могла прошивишься жестокоспи своея гореспи: она занемогла горячкою съ бредомъ, копорая чрезъ нѣсколько дней довела ее до крайности. Она избѣгнула однако смерти; но никогда не могла возвратишь употребленія разума. Уже нѣсколько было мѣсяцовъ, какъ она въ плачевномъ положеніи находилась, когда брашъ ея пріѣхалъ къ ней; онъ взялъ насъ попомъ къ себѣ въ домъ, машь мою и меня, копорый родился послѣ отпѣзда моего опца. Онъ призывалъ самыхъ искуснѣйшихъ лекарей, и не жалѣлъ ничего, дабы вылечишь опъ сумасшесствія свою несчастную сестру; но спаранія его были бесполезны. Глубокая меланхолія, въ копорой душа ея была безпреспанно погружена, привела ее во гробъ. Она умерла, съ годъ спустя послѣ воз-

вращенія своего брата, жертвою несчастной любви и опчаянїя.

« Съ того времени, вся нѣжность дяди моего, которую онъ къ ней имѣлъ, обратилась ко мнѣ. Онъ дѣлалъ все усилїя, дабы имѣлъ нѣкоторое свѣдѣнїе о родственникахъ моего отца, въ намѣренїи доставить мнѣ ихъ покровительство; но онъ никогда не могъ открыть, въ какой часпи Германїи они обитали. Мать моя въ сумасшествїи сожгла письма, которыя получала отъ моего отца, и следовательно испребила единныя доказательства, которыя бы могли дать нѣкоторое объ немъ познанїе. Она сохранила сей только перстень, оставшійся послѣ него, который вы въ прошлую ночь разсматривали съ шодикимъ вниманїемъ; это былъ первый подарокъ,

который она отъ него получила, и до послѣдней минушъ ея жизни носила его на своей рукѣ.

« Но хопя дядя мой не имѣлъ никакого успѣха въ изысканіяхъ, которыми онъ дѣлалъ о монхъ родственникахъ, впрочемъ милости его не дали мнѣ чувствовашъ ихъ потерю. Доходъ его былъ весьма умеренъ; но онъ уменьшилъ нѣкоторыя свои собственныя расходы, дабы доспавишъ на издержки моего воспитанія. Коль скоро былъ я въ соспояніи носишъ оружія, онъ хопѣлъ самъ бышъ моимъ вождемъ на спезѣ славы. Будучи довольно несчастенъ, не зная ошца, дарованнаго мнѣ природою, я всегда имѣлъ къ сему великодушному дядѣ сыновнія чувствованія. Увы! нѣсколько тому лѣшъ смерть у меня его похипила; но почщеніе и любовь

впечатлѣли въ моемъ сердцѣ его образъ неизгладимыми чертами, и до послѣдняго моего издыханія признашельность будетъ представлять его благодѣянiя въ моей памяти.»

Баронъ слушалъ сіе повѣствованіе съ великимъ вниманіемъ, и различныя движенія лица его казались предвѣщающими участіе, которое онъ бралъ въ несчастіяхъ злополучной Изабеллы. Кавалеръ то примѣшилъ, и былъ доволенъ его чувствительностію. Они разговаривали еще нѣсколько времени вмѣстѣ; но Родольфъ вспомнивъ желаніе, которое Фридерикъ оказалъ, особенно говорить, вознамѣрился пойти къ нему. Онъ вспалъ, проспился съ Барономъ, и ихъ разлука была сопровождаема выраженіями самыми лестными учтивостями.

При выходѣ изъ комнаты Барона, онъ шелъ по длинной галлерей, гдѣ нашель Фридерика, прохаживающагося большими шагами.

« Какой привлекательный разговоръ, сказалъ ему сей стремительный молодой человекъ, могъ васъ удержашъ столь долгое время у отца моего? Уже около часа, какъ я васъ здѣсь ожидаю. »

« Я для того долѣе у него осшался, ошвѣчалъ Родольфъ, будучи въ надеждѣ, что вы не замедлите припши за мною; но видя, что вы не приходите, я подумалъ, что васъ удержали въ другомъ мѣстѣ. И шакъ я пошелъ къ вамъ совсѣмъ не воображая, чтобъ вы меня здѣсь ожидали. »

« Мнѣ не возможно было предспаать предъ моего отца; душа моя находилась въ сильномъ волненіи ,

и я не могъ себя къ тому принудить. Но сіе мѣсто не удобно для тайнаго разговора; пойдѣмъ въ другое, гдѣ бы мы могли избѣгнуть опасности, быть услышанными, »

Послѣ сихъ словъ, онъ беретъ Родольфа за руку, а выводитъ его изъ галлерей.

Пришедши къ воротамъ замка, они нашли ихъ опворенными и вошли въ лѣсъ. Родольфъ слѣдовалъ за Фридерикомъ, и оба пребывали въ глубокомъ молчаніи. На послѣдокъ, когда прибыли они къ мѣсту, изъ коего замокъ былъ невидимъ, Фридерикъ оставяетъ руку Родольфову, и смотря на него приспально, сказалъ :

« Могу ли я васъ всегда называюъ моимъ другомъ ? »

Можете ли вы въ шомъ сомнѣ-

вашься, отвѣчалъ Родольфъ, и хопи-
не ли вы меня обидѣшь, думая, что
мое поведеніе въ разсужденіи друга,
къ кошпору я всегда оказывалъ при-
влзанность, могло подашь поводъ къ
инакому вопросу? Нѣтъ, никогда я
не забуду ласковостей, коими вы
меня осыпали; и я еще въ состоя-
ніи произвестъ другія доказатель-
ства кромѣ словъ признательности
чувствованій, кошпоря вы въ меня
внушили.»

« Эпо правда, дражайшій Родольфъ!
вскричалъ Фридерикъ; я не забылъ,
что вашей дружбѣ обязанъ я жизнию,
между шѣмъ какъ моя не сыскала
еще случая оказашъ себя иначе, какъ
шокмо въ щещныхъ увѣреніяхъ.
Правда, я могу бышь въ состояніи
изъявишь вамъ наконецъ гораздо бо-
лѣе основательныхъ доказательствъ»

моей признашельности ; но прежде я долженъ еще прибѣгнутьъ къ сей храбрости, кою я уже спользуюсь, и услуга, которую я опъ васъ ожидаю, есть такова, что если вы мнѣ оную откажете, то лучше бы для меня было, чтобъ рука ваша не вооружалась для моей защиты; ибо безъ счастья что уже значить жизнь? »

« Ахъ ! какое же это, дражайшій Фридерикъ ! сказалъ съ живостию Родольфъ, — какое же несчастье возмущаетъ спокойствіе дней вашихъ ? Ваши смущенные глаза, нѣкоторыя выраженія, опъ васъ вырвавшіяся, все заславляетъ меня спрашиватьса самаго злополучнаго несчастья. »

« Такъ ! сказалъ Фридерикъ. Если вы меня оставите, величайшее изъ всѣхъ несчастій готовишия поразить

меня. Я вижу любовницу, которую обожаю, впадающею въ руки другаго. »

« Какъ ! любезный Фридерикъ, сказалъ Родольфъ. Вы уже почувствовали силу любви ? Кто такая — сія столь прелестная любовница, и какимъ способомъ могу я для васъ ее сберечь ? »

« Прежде нежели я вамъ далѣе откроюсь, сказалъ сей молодой чловкъ, должно, Родольфъ, чшобъ я васъ обязалъ формальною клятвою, дабы вспомошествовашь моимъ намѣреніямъ. »

« Совсѣмъ не надлежишь мнѣ, возразилъ Кавалеръ, принуждашь себя обѣщаніями, поелику и безъ сего обряда я готовъ исполнять какъ въ семъ обстоятельстве, такъ и во всѣхъ прочихъ, которыя могушь

вспрѣшиться, по, что дружба и честь пребують отъ меня.»

«Фридерикъ неопшпупно пребо-валъ съ живоспїю и чрезмѣрною ревностїю, но Родольфъ былъ неумолимъ. Связь его съ симъ молодымъ челоукомъ не была основана на сходствѣ права и мыслей: они находились вмѣстѣ на войнѣ, и сіе нечаянное соединенїе похишило имя дружбы. Когда Родольфъ спасъ Фридерика отъ опасности, угрожающей днямъ его, сей, почиая своего избавителя, какъ храбрѣйшаго изъ челоуковъ, съ великимъ спаранїемъ искалъ его дружбы, и при всѣхъ случаяхъ оказывалъ къ нему величайшее почшенїе: но жопя безпреспан-нїя ласки и учпивости Фридерика содѣлали живѣйшее впечатлѣнїе въ чувспивидельномъ сердцѣ Кавалера;

впрочемъ онъ не былъ ни довольно слѣпъ, ни довольно безразсуденъ, чшобъ кинуться безъ размышленія, не изслѣдовавъ намѣреній молодаго человека, коего неумѣренность и стремленіе зналъ онъ, и копорый, безъ его разумныхъ совѣшовъ, былъ бы своими сшрасшями увлеченъ въ великія замѣшательства.

Когда Фридерикъ примѣшилъ, что другъ его упорсшвовалъ въ своемъ отказѣ, и не хотѣлъ обязываться никакою присягою, тогда онъ переспалъ безпокойствъ его своими шребованіями, и сказалъ, что онъ хочешъ сдѣлать ему новое доказательство довѣренности, кошорую онъ имѣешъ къ его дружбѣ. И шакъ приступилъ онъ къ подробному описанію обстоятельствъ, кошорыя принудили его просить у него помощи.

« Вы должны себѣ припомнить, сказалъ онъ, что, когда отецъ мой повелѣлъ мнѣ оставить армию и прибыть къ нему, это было для того, чтобы меня увѣрить, что онъ имѣлъ самую величайшую нужду въ моемъ возвращеніи. И такъ я не медля поѣхалъ, и спѣшилъ прибыть сюда. Я услышалъ по пріѣздѣ моемъ о бракѣ, кошорый отецъ мой имѣлъ въ намѣреніи. Онъ старался о семъ меня самъ увѣдомить, опасаясь, что если бы я получилъ сіе увѣдомленіе чрезъ другаго, то не былъ бы я увѣренъ, что интересъ мой не будетъ оскорбленъ; — и чтобы я не воспрепятствовалъ въ его намѣреніяхъ. Я былъ нѣмъ менѣе приведенъ въ удивленіе, что сію сторону онъ принялъ; ибо я уже зналъ, что послѣ смерти другаго его сына, онъ имѣлъ во мнѣ съ

огорченіємъ послѣдняго изъ своихъ ошраслей; припомъ онъ былъ въспревоженъ какимъ-шо суешнымъ пророчесвомъ, или сновидѣніемъ, кошорое содѣлало впечатлѣніе надъ его разумомъ. Я слыхалъ шолько, что онъ почишалъ свое семейство, какъ угрожающимъ великимъ несчастіемъ, до шѣхъ поръ, пока оно будешъ соспоашъ въ одномъ наслѣдникѣ мужескаго пола. Онъ никогда не хошѣлъ опкровенно мнѣ изъяснишься въ семь пункшѣ; и я не понималъ, на чемъ безпокойство его было основано; а шо, что знаю, онъ понуждалъ часто меня къ женидѣбѣ съ жаромъ, кошорый мнѣ весьма опрошивѣлъ; и всегда казался онъ весьма недовольнымъ противностію, кошорую я оказывалъ къ шакому обязашельству.

« Когда же онъ изъявилъ мнѣ, что

желаніе его было представить меня супругъ, копорую онъ избралъ, — и ожидалъ видѣшь меня воздающимъ ему почтеніе и повиновеніе сыновнее, я послѣдовалъ за нимъ къ мѣсту, въ копоромъ она обихаетъ, будучи весьма доволенъ тѣмъ, что онъ возимѣлъ больше желанія взять ее себѣ въ супружество, нежели меня къ оному принуждашь. Но какъ вамъ изобразить, дражайшій Кавалеръ! внезапную переменъ, копорую видъ сей несравненной красоты произвелъ въ моемъ сердцѣ! Сіе сердце, до тѣхъ поръ нечувствительное, почувствовало въ минушу необоримую силу ея прелестей.

Я былъ сполько равнодушень къ сей женидбѣ, что не освѣдомился о той, копорая была оной предметомъ; я не думалъ даже спрашивать, при-

гожа ли она была. Посудише вы сами, любезный другъ, если когда душа ваша, копорая нѣжнѣе моею чувствовала вліяніе красоты, — посудишежъ, какое было мое смященіе, когда въ особѣ, коею гошовился я воздавашъ почщеніе, какъ мачихѣ, я увидѣлъ самое плѣнительнѣйшее и любезнѣйшее созданіе, какое шолько ешь въ овѣшѣ! Я себѣ воображалъ, что супруга опца моего долженствовало бѣ имѣть лѣша, соразмѣрныя лѣшамъ его; но первые цвѣпы юности блиспали на ея лицѣ... въ ея черпахъ... глазахъ... Ахъ! Кавалеръ, я щещенно буду вамъ ея описывашъ! Если вы не обманываете мою надежду, шо въ скоромъ времени ея увидише и повѣрише мнѣ. Не желая унизишь вашей услуги, осмѣливаюсь васъ увѣряшь, что образъ споль

рѣдкой красоты была бѣ единая доспѣйная награда вашихъ великодушныхъ стараній.

« Когда я былъ ей предсшавленъ, она была украшена всѣми убранствами, какія только искусство можешъ выдумашъ, дабы придашь новое блиспаніе природнымъ ея пріятностямъ. Ей приказали почишашъ меня сыномъ, того, коему рука ея была обѣщана; но при возрѣніи на меня, она смушилась и щеки ея, прежде довольно блѣдныя, покрылись вдругъ краскою. Какъ скоро она позволила мнѣ взяшь ея руку, я оную прижалъ къ моимъ, съ шакою горячностію, кошорая заставила совсѣмъ позабышь, подѣ какимъ видомъ долженъ былъ я дѣлашь ей привѣтствіе. Сіе дѣйствіе слишкомъ усугубило ея смяшеніе; она спаралась опниашъ руку; глаза

ея наполнились слезами, и попомъ она скрылась.

Не для того, чѣмобъ мнѣ себя льспишь, здѣсь присоединяю я сіи знаки печали къ дѣйсвію, произведенному надъ него моимъ присупствіемъ. Она конечно сожалѣла, чѣмобъ моему опцу, а не мнѣ обѣщали ея руку, и опасаясь, чѣмобъ ея смятеніе не обнаружилось предъ глазами пѣхъ, которые могли бы ее въ помъ винишь, она спаралась оставишь положеніе, въ кошоромъ, какъ я сужу о семъ по собспвеннымъ моимъ чувспвованіямъ, было ей весьма прудно успокоишься. Эпо было конечно для меня счасшіе, чѣмобъ ея скромность, или, можешъ бышь, заспѣнчивоспъ превыпала мою. Безъ сего, я измѣнилъ бы себя безъ сомнѣнія предъ глазами ея опца и моего, въ

семь родъ восхищенія, въ которое первый взоръ ея прелестней ввергнулъ меня; и я еще не пришелъ въ себя, какъ разсудилъ, что самыя сильныя побудительныя причины поспавляли мнѣ долгомъ, содержащъ мою новую спрассъ тщательнo скрышою.

« Впрочемъ, это было больше глупое ослѣпленіе съ ихъ спороны, нежели мое припворство, которое препавствовало имъ ошкрышь сокровенныя мысли. Я имѣю различныя доказательствва думать, что онѣ всемъ были сокрышы отъ ихъ проницанія. Правда, что глубокая задумчивость, въ которую мой отецъ видѣлъ меня погружающагося, моглабъ обнаружись пому причину; но онѣ присоединялъ ее къ спраху, чпобъ мой инпересъ не прешерпѣлъ слишкомъ отъ союза, который онѣ

имѣлъ въ намѣреніи, и я признаюсь, что въ разсужденіи сего, душа моя не была освобождена опъ всѣхъ безпокойствъ. По истинѣ полагая намѣреніе опца моего не весьма для меня полезнымъ, еслибъ случилось, что онъ имѣлъ другихъ дѣшей, не вѣрояпно ли бъ было, что женщина споль молодая и прекрасная овладѣла бы его сердцемъ, дабы склонилъ его сдѣлать въ ихъ пользу распоряженія, копорыя весьма уменьшили бы состояніе, копораго съ давняго уже времени имѣлъ я право ожидать.

« Но таковыя причины весьма слабы, дабы привлечь теверь мое вниманіе. Богатства, почести, — я отказался бы опъ всего съ радостію, чпобы имѣть счастье обладать сею несравненною красопою. Когда я думаю, что она достаешся въ руки

другаго, когда вижу ее пожертвованною спарику, коперому съдые волосы запрецаюшъ желать руки споль прелеспиной женщины: бѣшенство приводилъ меня въ яросшь; сердце мое гошова предашся въ гнѣвъ и опчаяніе. Если вы не имѣете обо мнѣ сожалѣнія..... ахъ! Кавалеръ, можете ли еще колебаться, можете ли вы опказаться мнѣ въ помощи!»

« Я чувствившельно пронупъ вашимъ соспомяніемъ, дражайшій Фридерикъ, ошвѣчалъ Родольфъ. Но меня наипаче сокрушаетъ шо, что вы предали свое сердце страспи, прошивъ которой възспаюшъ щолкія препашествія.

« Ничѣмъ инымъ; сказалъ съ живоспію Фридерикъ, какъ вашею помощію могу я ихъ преодолѣшь. »

« Развѣ для похищенія вашей любовницы просите вы моей помощи? » сказалъ Родольфъ. Дайте мнѣ нѣсколько времени въ обспояшельствахъ шаковаго предпріятія подумашь. »

« Всѣ размощрѣно, прервалъ его рѣчь Фридерикъ, и я знаю, что однимъ шокмо способомъ можно удовлетворить мою любовь, не разрушая своего ссспоянія.—Барону Дорнгейму рука ея обѣщана честолюбивымъ видомъ.—Когдабъ мнѣ было возможно обманушь бдишельность и похипить ее изъ его замка, — я весьма увѣренъ, что буду лишенъ наслѣдства опцемъ въ яроспи. — И пакъ должно, чшобъ шипуль Барона Дорнгейма принадлежалъ мнѣ, чшобъ имѣніе его было мое... — Ахъ! Родольфъ, можете ли вы не ошгадашь,

другъ мой, и не видѣшь какая та услуга, копорую я опъ васъ ожидаю!»

« Родольфъ запрепепалъ и смотрѣлъ на сего разъяреннаго молодого человѣка съ удивленіемъ и ужасомъ, какъ будшо бы искалъ на лицѣ его подшверженія спраха, копорый слова его въ него внушили.

« Я желалъ бы бышь самъ Барономъ Дорнгеимомъ, сказалъ Фридерикъ, нѣсколько помолча. Слышите ли вы меня? »

« Я не смѣю думашъ , что васъ слышу, отвѣчалъ Кавалеръ, опворотясь опъ него съ презрѣніемъ.

« Любили ли вы когда, Родольфъ, сказалъ Фридерикъ, и чувствовали ли, что, когда человѣкъ ешь нашъ соперникъ, всѣ чувстввія, копорыя къ нему до шѣхъ поръ имѣли, исче-

заюпъ изъ нашей души? Вы меня слышали, я эшо вижу; вы знаете, что я хочу опдалишь соперника; единая мысль священныхъ узъ, которыя меня съ нимъ соединяюпъ, ужасаетъ ваше воображеніе. — Но онъ вамъ не отецъ. — Я не думаю вознестъ на него виновной руки. — Но вы, — вы который естъ мой другъ, — вы который не привязаны къ нему ни узами крови, ни даже узами благодарности, — когда вы разберете, что для обнадешиванія въ счасти цѣлой моей жизни, надлежитъ только ускоритъ роковый часъ, который въ его лѣпахъ не можетъ быть весьма опдаленъ..»

«Чтоже такое примѣтили въ моемъ характерѣ, государь мой, чтобы могло податъ вамъ поводъ такъ меня обижать? сказалъ Родольфъ, успрем-

ляя глаза свои на него съ сурово-
спію: развѣ я убійца?»

«Ахъ! любезный другъ, вскричала
Фридерикъ, можете ли вы думать,
чшобъ я былъ въ состояніи васъ
обижать? — Я знаю чрезвычайную
вашу чувствительность къ чести.
Вы можете быть думаете, что я
хотѣлъ употребить вашу храбрость
въ предпріятіи недостойномъ васъ?
Еслибъ можно было сдѣлать нечаян-
ное нападеніе на Барона, я никогда
не прибѣгалъ бы къ вашей рукѣ, и
между людьми моими я легко на-
шелъ бы нѣкошораго, расположен-
наго исполнить мои намѣренія. Но
это было бъ не возможно! Баронъ ни
на минуту не бываетъ одинъ. Я
совершенно не знаю причины сей
предосторожности; я не слыхалъ,
чшобъ онъ имѣлъ непріятелей, ко-

ихъ нападенія могъ бы спрашишься ; но его поведеніе весьма для меня подозрительно. Во время дня съ нимъ непрерывно бывають нѣкоторые изъ его офиціаншовъ ; ночью священникъ и двое слугъ ночують всегда въ его комнашѣ. Вы видите при сихъ обстоятельствахъ , что онъ совершенно подѣ кровомъ опъ всѣхъ нечаянныхъ нападеній, и если онъ имѣеть свободу защищаться, ваша храбрость одна можеть преодолѣть его сопротивленіе. Вы, я чаю, слышали, что онъ былъ въ своей молодости одинъ изъ знанѣйшихъ воиновъ Германіи, и лѣта не ослабили еще его руки. Я знаю, что вы будете презирать равняшь себя съ споль слабымъ непріателемъ , но будьте увѣрены, любезный другъ.... »

« Не называйше меня болѣе симъ

именемъ, вскричалъ Родольфъ; я оп-
казываюсь опъ дружбы опцеубійцы.»

« Сіе слово слишкомъ обидѣло Фри-
дерика ; но послѣ приведенія себя
до такоаго пункта въ повѣренность
Родольфа, онъ не осмѣливался являть
ему своего презрѣнія , и спарался
лучше привести его къ своему намѣ-
ренію новыми просьбами.

« Если бы любовь моя была не
споль горяча, сказалъ онъ, мои пред-
пріятія были бы не такъ безна-
дежны ; но будучи мучимъ сильною
спрасстію, я желаю воспользовашь-
ся однимъ случаемъ, кошорый пред-
спавляется къ полученію счастья,
кошорое чрезъ нѣсколько дней дол-
жно бытъ навсегда въ опдаленіи опъ
моего доспиженія. Если бы я лю-
билъ обыкновенную красавицу; мо-

жнобъ было опть нея опказашься, но шошъ, копорый хошя разъ обожалъ Конспанцію...»

«Конспанцію! вскричалъ Родольфъ, съ чрезмѣрнымъ смяшеніемъ; какъ! эшо Конспанція!

«Такъ, Конспанція Герцвальдъ имя шой, коея рука обѣщана опцу моему, опвѣчалъ Фридерикъ; если изъ сожалѣнія къ ней и вашему другу, вы не освободите сію молодую красавицу опть споль жестокаго жершвованія, дабы вручишь ее любовнику, гораздо доспойнѣе ея обладашь....»

«А Костанція опвѣчаетъ ли на вашу любовь?» спросилъ Родольфъ слабымъ и шрепещущимъ голосомъ.

«Я въ томъ не могу сомнѣвашься, опвѣчалъ Фридерикъ. Я никогда не получалъ изъ ея успъ сего

сладостнаго увѣренія , поелику не могъ иначе съ нею говорить, какъ въ присуствіи моего отца; но если я долженъ въ помѣхъ вѣрять одной изъ ея женщинъ, которая есть единая моя повѣренная , она имѣешь оповращеніе къ замужеству, которое ей предлагающъ, и многія обстоятельствова ясно доказывающъ, что сердце ея питаетъ тайную любовь. Нѣсколько времени я не осмѣливался думать, чтобъ я былъ предметомъ ея вѣжності; но послѣднее посѣщеніе, которое я ей сдѣлалъ въ замкѣ отца ея, разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Ея взоры, ея видъ, все измѣняло ея сердцу; и если кто примѣчалъ вниманіе , съ которымъ она на меня смотрѣла, смущалась, краснѣла, и часпо вырывались опъ нея взоры, которые означали еще живѣе вѣж-

ныя чувствованія, коими душа ея была поражена. »

« Въ то время, когда Фридерикъ такимъ образомъ говорилъ, Родольфъ былъ поработченъ тысячами спрашей, копорыя взаимно сражались. Два раза онъ подносилъ руку свою къ шпагѣ, и два раза, не смолча на ярость своего ревниваго гнѣва, онъ помышлялъ, что это прошивъ своего госпепріимца вынимаетъ онъ шпагу, и — что онъ имѣлъ оружіе, а соперникъ его не имѣлъ. Сія мысль укропила его ярость.

Фридерикъ, сказалъ онъ ему, мы можемъ еще повспрѣчься ; если же это случится, помните, что мы болѣе не друзья. »

Послѣ сихъ словъ онъ поспѣшно удаляется, и спремится къ мѣспу самага густаго лѣса.

Фридерикъ пришелъ въ странное изумленіе отъ такого пошупка, коего истинной причины не могъ онъ отгадать. Онъ не зналъ, что Кавалеръ видалъ ли когда Конспанцію. И такъ онъ осмался нѣсколько времени безгласенъ отъ удивленія; ему хотѣлось его кликнуть, но Родольфъ, который шелъ скорыми шагами, былъ уже весьма далеко. Будучи воспаленъ яростію, укоряетъ себя, для чего за нимъ не слѣдовалъ, дабы испребовать изъясненія словъ его, а особливо грознаго вида, съ которыми онъ ихъ произнесъ; но Кавалеръ тогда скрылся въ самой срединѣ лѣса, и Фридерикъ тщетно его искалъ.

Родольфъ шелъ нѣсколько времени не заботясь о томъ, въ какую сторону направлялъ онъ свои шаги. Онъ

представлялъ себѣ, что любилъ безъ надежды; но когда услышалъ, что Констанція любила другаго кромѣ его, онъ весьма примѣшилъ, что до тѣхъ поръ онъ внутренно ласкался обладать ея сердцемъ. Когда прибылъ къ мѣсту лѣса, чрезмѣрно опдаленному отъ того, въ которомъ онъ оставилъ Фридерика, бросился небрежно на правую, и далъ волю душѣ своей къ безнадежнымъ размышленіямъ, которыя довѣренность его соперника въ него внушила.

« И такъ Фридерикъ любимъ Констанціею! говорилъ онъ самъ въ себѣ. Сія заспѣчивая и скромная красавица, коея глаза всегда пошуплялись, когда мои обращались къ ней съ чрезмѣрною горячностью, бросала на него самые нѣжнѣйшіе взоры! Ахъ непоспоянная.... въролом-

ная Констанція!... Но для чего ее обвиняешь?... Какое имѣлъ я право на ее нѣжность? Подала ли она мнѣ когда надежду, и какую взаимность могъ бы я опъ нея ожидать въ любви, о которой я никогда не изъяснялся? Ахъ! для чего я уѣхалъ, не изъяснивъ ей моихъ чувствованій! Какую идею могла бы она предсавить себѣ изъ силы моей смерти, потому что и въ самомъ ее присутствіи былъ я довольно силенъ, дабы привести ее въ совершенное молчаніе! Многіе годы пропекли уже, какъ я съ нею разлученъ. Можешь бышь въ продолженіи столь долгаго времени не слыхала она произнесеннаго моего имени ни одного раза, а если она содержитъ меня въ своей памяти, можешь бышь почишаешь за человѣка, надъ которымъ преле-

спи ея сдѣлали только маловременное впечатлѣніе; можешь бышь думаешь она положишься болѣе на любовь перваго обожателя, который ей сказалъ, что она прелестна, нежели на чувствованія истиннаго любовника, который ею дорожитъ болѣе своей жизни. — Ахъ! для чего уѣхалъ я, не изъяснивъ ей своей спраси!

Родольфъ продолжалъ пипаться этими мыслями, наполненными поскою и горестію. Онъ съ удовольствіемъ бы промѣнялъ за всѣ годы, которые оставались ему, жизнь, возвращеніе нѣкоторыхъ изъ сихъ драгоценныхъ минушь, которые онъ провелъ съ нею, — счастливыхъ дней, въ которыхъ извѣстенъ былъ въ ея ко всѣмъ другимъ равнодушію. Влюбленный Кавалеръ могъ бы ласкаться себя, что

она имѣла къ нему нѣкоторое шайное предпочтеніе. Тогда можешь бышь, тогда если бы ея великодушная нѣжность позволяла ему воспользоваться симъ благосклоннымъ расположеніемъ, могъ бы получишь сердце, котораго онъ былъ болѣе достоинъ, нежели гнусный злодѣй, который думалъ оное приобрѣсть.

Родольфъ, размышляя о роковой довѣренности Фридерика, почувствовалъ слабую надежду, поспешенно возвышающуюся въ его душѣ. Надменность и тщеславіе сего гордаго молодого челоуѣка, содѣлывали для него мечтаніемъ истинныя чувства Констанціи; но удовольствіе, производимое сими мыслями, исчезало вдругъ, когда вспоминалъ, что Констанція, какія бы ни были расположенія ея сердца, долженствовала

чрезъ три дни дашь руку Барону Дорнгейму.

Онъ запрепепалъ при сей ужасной мысли, и въ движеніи опчаянія вспавая съ спремленіемъ, оспаешся нѣсколько времени въ безмолвіи и окаменѣлымъ опъ гореспи. Скоро попомъ послѣ сего унынія наступило живѣйшее желаніе, видѣшь еще разъ предметъ его нѣжности прежде, нежели сей ужасный бракъ опъимешъ опъ него навсегда всю надежду. Не въ его власпи было опказашься опъ сего наслажденія. Немедленно предпринимашъ онъ намѣреніе предспашъ предъ нее, дабы сказашь ей, что послѣднее издыханіе несчастнаго Родольфа будетъ желаніемъ благополучія Конспанціи, — рѣшившись наконецъ проспашься навсегда съ своимъ опечеспвомъ, и

ѣхашь въ армію Крижаковъ, гдѣ надѣялся найши, въ срединѣ бапаліоновъ невѣрныхъ, кончину жизни, копорая для него ничто иное была, какъ наказаніе.

Въ восхищеніи, которое сія мысль ему производишь, онъ идешь скорыми шагами; но не зналъ совершенно дороги, ведущей къ замку Герцвальда, и въ семь дикомъ лѣсу онъ мало надѣялся повспрѣчашься съ кѣмъ нибудь, кто бы могъ показывать путь неизвѣстнымъ его спопамъ; но что его приводило въ опчаяніе, думая, что онъ шель по шропинкѣ, копорая опдалишь, можетъ бышь, его опъ желаемой цѣли. Однако онъ не переставаль ишти. Напоследокъ сквозь деревья увидѣлъ онъ нѣкошорыя башенки; но какая была его досада, когда, болѣе приближаясь, онъ

узналъ замокъ Дорнгеймовъ! Съ презрѣніемъ удаляешся отъ гнуснаго жилища, въ которомъ соперникъ его обитаетъ, и бросаешся на другую дорогу.

По счастію онъ не шакъ далеко ушелъ; но увидя креспьянина, который шелъ впереди его, онъ спарается его догнашь, и спрашиваетъ у него дорогу, ведущую къ замку Герцвальда. Сей человекъ, который долженъ былъ итти мимо, предложилъ Кавалеру бышь его проводникомъ. Шедши вмѣспѣ, креспьянинъ дѣлалъ многіе вопросы Родольфу; отвѣпы были коротки, и часпо несообразны съ предметами вопросовъ. Между тѣмъ, какъ вождь его спросилъ, гдѣ онъ думаетъ ночевашъ въ слѣдующую ночь, — ему приходитъ въ голову, что еслибъ случилось,

что онъ не имѣлъ благополучія получить въ сей день свиданія съ Констанціею, ему надлежало бѣ оставаться въ лѣсу до утра. Въ слѣдствіе чего онъ спросилъ крестьянина, близко ли онъ живетъ, и не можетъ ли дать ему пристанища въ своей хижинѣ? Крестьянинъ отвѣчалъ, что жилище его недалеко отсюда, гдѣ онъ лишь только съ нимъ повстрѣчался; онъ ему предложилъ въ своемъ низменномъ убожищѣ все вспоможенствование, котораго будущъ отъ него зависѣтъ. Когда замокъ Герцвальдовъ спалъ у нихъ въ виду, Кавалеръ разлучился съ своимъ провожаемымъ, и приблизился къ мѣсту, которое заключало въ себѣ то, что было для него на свѣтѣ драгоцѣннѣйшаго.

Онъ мало былъ знаемъ оцѣмъ

Конспанціи, которъй, во время пребыванія Кавалера съ нею, предпринялъ дальнія путешествія. Мать ея, съ которою она тогда жила въ Прагѣ, недавно умерла. Родольфъ совсѣмъ не зналъ, какимъ бы способомъ могъ онъ ее посѣтить, какъ примѣшилъ слугу у воротъ. Онъ его спрашиваетъ, и узнаетъ изъ его отвѣтовъ, что Баронъ Дорнгеймъ былъ тогда въ замкѣ, и что долженъ въ немъ обѣдать. Сіе уведомленіе рѣшило Кавалера не являться прежде, какъ уже послѣ его отъѣзда; ибо онъ никогда не былъ власшень удерживать свою ярость, при возрѣніи на соперника. И такъ онъ удаляется отъ воротъ, въ намѣреніи дожидаться вблизи замка. Идучи онъ часто взглядывалъ съ ревностію на окна, и весьма желалъ знать,

копорья были комнаты Констанціи. Хотя онъ имѣлъ предосторожность бытъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ спѣны, однако стѣня одного окна принимала иногда въ его разгоряченномъ воображеніи человѣческой видъ. Онъ тогда съ скоростію приближался, лаская себя всегда найши въ семъ химерическомъ предметѣ его дражайшую Констанцію; но наконецъ разсудилъ, что можеть бытъ увидимъ слугами, дастъ имъ нѣкоторое подозрѣніе, что его и принудило отдалиться отъ фасады, и принявъ пропину, ведущую позади замка.

Что касается до положенія и крепости, замокъ Герцвальда былъ весьма опличенъ отъ Дорнгеймова. Спроившіе его имѣли не столько попеченія къ защищенію, сколько вни-

манія къ виду и пріяшности. Позади замка проспирались великолѣпные сады, загражденные опѣ лѣса весьма высокою стѣною, окруженною зубцами. Родольфъ прогуливался вдоль сей стѣны, для препровожденія времени, ожидая опѣзда Баронова. Благополучіе, кошорое имѣлъ сей гнусный соперникъ наслаждаешь зрѣніемъ и разговорами Конспанціи, заставляло Кавалера чувшвовашъ всѣ безпокойства ревности.

На одномъ изъ угловъ стѣны построена была чешвероугольная башня, коея окны ударялись въ лѣсъ. Родольфъ проходилъ мимо, какъ нѣкошорый голосъ поражаетъ его слухъ. Онъ смолришъ, и въ одномъ опворенномъ окнѣ различаетъ двухъ женщинъ, кошорыя были въ комнашѣ, но сидѣли къ нему спинами. Влеко-

мый лыбопышспвомъ, опъ кошораго не могъ опказашься , онъ приближаешься, и можешъ уже слышашъ, что ша, кошора я говорила, спаралась ушъшашъ другую, кошора я была вся въ слезахъ; а чшобы обязашъ ее прекрашпшь печеніе слезъ ея, она говорила ей всъ сіи рассужденія , споль слабыя прошивъ испинной печали.

« Позволь мнѣ плакашъ, опвѣчалъ наконецъ прелеспный голосъ: эшо былъ Конспанціинъ; сердце Кавалера узнало вдругъ плънишельный звукъ.

« Для шого шолько , продолжала она, чшобъ плакашъ свободно, просила я съ шакимъ усиліемъ позволенія удалпшься сюда...

« Но, сударыня, я никогда не видала васъ еще предававшешюся въ пе-

чаль споль сильную, какъ пу, кошорая шеперь васъ обременяетъ.»

« Можешъ бышь это послѣднія минушы, въ кои позволено мнѣ будешъ въ нее предавашся, отвѣчала Констанція. Грудь моя до сего дня была весьма успокоена надеждою, что я могла бы наконецъ преклонить сердце отца моего, и получишь по крайней мѣрѣ болѣе опсрочки, дабы опдалишь эпоху брака, коего спрашусь болѣе самой смерти; но шеперь вся надежда исчезла. »

« Но если сіе соѣдиненіе ужасно для васъ, на что же ему подвергашся?»

« Ахъ ! Леонора , вскричала Констанція, можешъ ли ты дѣлашь мнѣ споль жестпокой, вопросъ? Не дѣлала ли я уже, дабы избѣгнушь сего ужаснаго союза, все, что скромность моего пола могла позволишь ? Есть ли

какой способъ, кошорый печаль моя не упопрестила бь въ дѣло, чшобы отвратишь отца моего опъ сего зло-счастливаго намѣренія? Не приводили мои неушомимыя просьбы часто его въ гнѣвъ? Какой другой плодъ получила я кромѣ шого, что поступали со мною, нѣсколько шому мѣсяцовъ, съ суровоспiю, кошорую не воображала я, чшобъ могла пережить. Ты знаешь сколь отецъ мой мало шронущъ моими слезами. Если шеперь получила я малое снисхождение, дабы избѣгнушь глазъ Барона, шо въ шомъ не должна я сожалѣнiю, кошорое мученiя мои внушили, но боязни, чшобъ мое неборимое опшращенiе къ сему браку не оказывалось чрезмѣрно предъ глазами Барона. Впрочемъ онъ не можешъ шого не знать; ибо я помню, что, со-

бравъ нѣкогда всю мою смѣлоспъ и силу, я ему сдѣлала почное призна- ніе, надѣясь, что въ разсужденіи его малой чувствительности, онъ пер- вый откажется бѣ ошъ руки, за ко- шорой сердце не могло слѣдовать; но я примѣшила изъ его характера весьма снисходительное мнѣніе. Пер- вое дѣйствіе, которое произвело мое простодушіе, было то, чтобъ обя- зать его къ скорѣйшему понужденію заключенія брака, въ страхъ, чшобъ время не подало мнѣ какого либо случая ошъ него избѣгнушь. »

« Я утверждаюсь въ мысли, суда- рыня, возразила Леонора, что вы мо- жете еще найши къ тому способы. Вы не въ глазахъ. — Для чего не возьмете намѣренія уйши изъ замка?»

« Ахъ! куда уйши? отвѣчала Кон- станція. Ежелибъ какое нибудь убѣ-

жище отверсто было для меня; будь увѣрена, что все шаги мои были бы подсматриваны. Но я не имѣю друга, котораго могъ бы меня защищать, и которому я могла бы себя вѣрить. Если бы я сыскала убѣжище въ какомъ нибудь монастырѣ, Баронъ Дорнгеймъ не замедлилъ бы оный открыть, и изъ него меня испоргнуть. — Ты знаешь всю обширность его владѣній. — Коликимъ бы опасностямъ, еще ужаснѣе, нежели самая смерть, побѣгъ меня подвергнулъ! Слабая и безъ защиты дѣвица, можешь ли подумать безъ трепета свергнуться въ глубокую мрачность сего пространнаго лѣса? »

«Прошу васъ, сударыня, простить вольность, которую предпринимаю спросить ваше сердце. Живѣйшее участіе беру я въ вашихъ несчастіяхъ»

яхъ, которое одно внушаетъ въ меня подобные вопросы, и моя привязанность вамъ сколько извѣстна, что вы не можете ихъ приписать къ дерзкому любопытству. »

« Баронъ Дорнгеймъ, это правда, не такой человекъ, который могъ бы привести васъ въ чувствительность: однако просните, ежели я осмѣливаюсь думать, что будучи подвластны такъ, какъ вы всегда таковой были, приказаніямъ вашего батюшки, — вы не могли бы никогда рѣшиться изъяслять ему съ такою твердостью вашей противности въ послушаніи ему, если бы ваше отвращеніе къ замужству, которое вамъ предлагаютъ, не имѣло сильнѣйшихъ побудительныхъ причинъ, кромѣ вашего омерзѣнія къ Барону. Хотя онъ гораздо снѣдетъ васъ, —

особа его не имѣешь однакожь ничего непріятнаго, видъ его благородень, — я слыхала опть васъ, что разговоръ его привлекашелень. Что же касается до его характера, вы судите конечно справедливо, въ разсужденіи поступка не столь благороднаго, который онъ вамъ оказалъ; но вы имѣли равное отвращеніе къ сему браку, когда знали шокмо Барона по преимуществу, отдаваемому въ разговорахъ вашимъ бапюшкою, который старался преклонить васъ на его сторону. »

« И такъ, государыня, позвольте мнѣ, чшобъ я открыла вамъ здѣсь сокровенныя мои мысли. Я давно уже догадываюсь, что еслибъ любовь ваша не обѣщана была кому другому, Баронъ Дорнгеймъ легче могъ бы получить вашу руку. По сему осмѣ-

живаюсь васъ просить, удостойте
меня вашею довѣренностію; вѣр-
ность моя вамъ докажетъ, что я
была не недостойна сей благосклон-
ности. Открывъ ваше сердце мнѣ,
вы почувствуете облегченіе и весьма
усладительное утѣшеніе; а можете
быть подадите мнѣ случай оказать
вамъ важную услугу.»

Леонора перестала говорить, а Кон-
станція, пребывая нѣсколько минутъ
въ молчаніи, наконецъ начала гово-
рить :

« Если я, сказала она, сокрывала
до сего времени въ моемъ сердцѣ ша-
кую тайну, — вотъ минуша къ ея
открытію.»

« Такъ сударыня, отвѣчала Леоно-
ра, вотъ единая минуша; другой мо-
жете быть вамъ не позволять.»

« Твоя правда, сказала Констанція,

заливаясь слезами. Послѣ завтра... — Небо! какая ужасная мысль! — Послѣ завтра будетъ уже преступленіемъ думать, что когда либо я его видала.»

« И такъ я весьма предъзнавала, вскричала Леонора; но поелику, сударыня, вы благоволили дать мнѣ сію первую довѣренность, не могу ли же васъ спросить, кто таковъ попомъ счастливый смершній, который содѣлалъ въ вашемъ сердцѣ столь глубокое впечатлѣніе? »

« А какая тебѣ нужда его знать? отвѣчала Конспанція. — Я не могу... — Успа мои не осмѣливаются произнести его имени. »

Позвольте мнѣ самой, сударыня! сказала служанка, его наименовать.»

« Этого совсѣмъ тебѣ не возможно, » возразила Конспанція.

« Была однакожь такая минуша, въ кошпорую, думаю, я его опскрыла. »

« О небо! вскричала Конспанція. — не измѣнила ли я сама себѣ? Развѣ вырвалось опть меня какое неразумное слово? »

« Нѣшъ, сударыня! опвѣчала Леонора, ваши уста вамъ не измѣнили, но глаза ваши не были вамъ вѣрны. Послѣдній разъ, какъ Фридерикъ былъ здѣсь, вы смопрѣли на него съ живоспїю.... съ учаспїемъ... »

« Возможно ли, чпобъ меня примѣшили? возопила Конспанція. Ахъ! Леонора! осмѣливалась ли я когда говоришь съ Фридерикомъ? Могла ли я когда сдѣлать ему вопросъ? — Нѣкогда собралась я со всѣми своими силами, — но повспрѣчалась съ глазами опца моего, и я оспалась въ

безмолвіи, въ страхъ, чпобъ не подашь ему нѣкотораго подозрѣнія. Мнѣ казалось, что, еслибъ я могла особливо говорить съ Фридерикомъ.....»

Родольфъ запрепелъ, и блѣдность опчаянія покрыла лице его.

«Не трудно сыскать случая съ нимъ говорить, отвѣчала Леонора; онъ часто будетъ являться.

«Такъ, въ Дорнгеймовъ замокъ, сказала Конспанція съ движеніемъ нетерпѣливости, — но тогда будетъ уже весьма поздно. Я не могу, это правда, дать руки моей Барону; но если бы когда я и могла рѣшиться на сіе, то было бъ не тогда, когда душа моя занята мыслями о другомъ человѣкѣ. — Ахъ если бы могла я узнать только, живъ ли онъ еще!»

« Кшо, сударыня? сказала Леонора, о комъ вы говорите? »

« Примѣшила ли шы шлемъ, который былъ сего дня на Фридерикъ? » сказала Конспанція.

« Такъ, сударыня, не шопъ ли шлемъ, на которомъ вмѣсто киспи, драконъ съ распроспертыми крыльями? » спросила Леонора.

« Я желала бь... мнѣ нужно знашь, откуда доспался ему сей шлемъ, » присовокупила Конспанція.

« Почему же, сударыня! можешъ эшо васъ сполько занимашь? » сказала служанка.

Родольфъ зашрепешалъ гораздо еще сильнѣе прежняго.

« Если я не обманываюсь, сказала Конспанція, сей шлемъ принадлежалъ другому. »

« Кому же онъ принадлежалъ, сударыня ? » сказала Леонора.

« Человѣку, котораго ты никогда не видѣла, ошвѣчала Конспанція ; — человѣку, коего не должна я болѣе опять видѣть. »

« Любовникъ ли это былъ, который могъ содѣлать васъ чувствительною ? » спросила служанка.

« Онъ прежде меня любилъ, ошвѣчала Конспанція ; но не зналъ никогда чувствованій, которыя онъ въ меня внушилъ. Я была увѣрена, что башюшка мой не согласится на наше соединеніе, но приняла намѣреніе удалить его отъ себя для того, чтобы изпоргнуть изъ его сердца страсть, которая моглабы содѣлать его еще несчастнѣе. Тому уже нѣсколько лѣтъ, какъ я его не видѣла, и послѣ того времени онъ конечно

меня забылъ. — Такъ... я надѣюсь, что онъ меня забылъ! — Роковой бракъ, который мнѣ назначающъ, былъ бы вдвое для меня жесточе, когда бы думала, что сія печальная новость могла сокрушить его сердце; — но... не возможно, чтобъ онъ меня не забылъ; — я однакожь его не забыла.»

« Ахъ! какъ могли вы думать, чтобъ мнѣ было можно васъ забыть? вскричалъ Родольфъ, въ восхищеніи своей радости и являсь самъ передъ окномъ. — Ахъ! любви доспойная Конспанція! вы весьма мало знаете силу вашихъ прелестей, если думаете, что сердце, которое единожды ее почувствовало, можетъ когда либо быть опверсто къ другимъ чувствованіямъ.»

При звукъ сего голоса, который

она столь совершенно знала, Констанція лепитъ къ окну; но при взрѣніи на своего любовника, она шрепещептъ, силы ее осшавляють, щщщщно намѣреваешся ему говорить, — имя его единое шокмо слово, кошо-рое уста ея способны произнесш. — Родольфъ смопрѣлъ на нее съ восхищениемъ, которое не позволяло думать о препяшствіяхъ, прошивившихся еще его благополучію.

» Доспойная обожанія Констанція! вскричалъ онъ, — какъ сія усладительная минуша плашитъ мнѣ за всѣ безпокойшвія, копорыя ваше опсущствіе мнѣ причиняло! Въ опда-леніи опъ васъ, душа моя не знала никакого увеселенія. Я не зналъ вашей благосклонности ко мнѣ, и не думалъ бышъ ихъ доспойнымъ; однако никогда никакое обидное подозрѣ-

віе, никогда никакая боязливая ревность не вмѣщалась въ мое сердце.»

« Но какимъ случаемъ прибыли вы сюда ? сказала она трепещущимъ и прерывающимся голосомъ. — Увы! въ сей уединенный лѣсъ я васъ не ожидала ! — Я думала, что вы весьма далеко отсюда. — Какимъ случаемъ заведены вы въ сіи мѣста ? »

« Желаніе васъ увидѣшь, отвѣчалъ онъ, было единственною побудительною причиною моего путешествія. Я не могъ сносить болѣе горести, быль въ разлукѣ съ вами. — И въ какую же минушу счастливая моя планета завела меня сюда ! Въ минушу, въ кошорую любезная Констанція изъясняетъ своими собственными устами, что, сколько я ни недостойнъ занимать мѣсто въ ея памяти, она однакожь меня не забыла.»

« Небо! вскричала Констанція, — вы слышали слова, которыя я имѣла неразуміе говорить? »

« Простите, о дражайшая Констанція! Я чаялъ слышать признаніе вашего предпочтенія къ моему сопернику. Сей страхъ не столь былъ маловаженъ, чшобъ я могъ болѣе его сносить. Могъ ли я рѣшишься удалиться опть мѣста, въ которомъ вашъ голосъ поразилъ мой слухъ, прежде нежели избавился я еще опть безпокойствъ столь жестокой неизвѣстности? — Теперь судьба моя рѣшена, и ужась видѣшь васъ прогнѣванною дерзостію подслушиванія есть единая забота, которая безпокоитъ еще мое сердце. — Дражайшая Констанція, благоволите простить! »

« Если вы мнѣ причинили нѣкоторо-

рое неудовольствіе, опвѣчала она, это подозрѣніемъ, которое побуждало васъ меня подслушивать. Мнѣ кажется, что я не желала бы, чтобъ вы слышали, какія имѣю я къ вамъ чувствованія.... если не для того можетъ быть, чтобъ привести въ стыдъ несправедливость, которая заставляла васъ почищать меня способною имѣть равныя чувствованія къ другому. »

Родольфъ, будучи приведенъ въ восхищеніе сею непредвидимою встрѣчею, думалъ шокмо о свободномъ изъясненіи, предъ глазами Констанціи, любви, сокрышой въ его сердце столь многіе годы; а Констанція, избавясь наконецъ отъ сей суровой скрыпности, которая отвергала до того времени почщенія самыя невинныя, чистосердечно изъявила всю нѣжность,

кошорую Родольфъ давно уже умѣлъ въ нее внушить. Она однакожь первая пробудилась опъ сшоль восхитительнаго сна — и подумавъ о своемъ состояніи, залилась слезами.

Родольфъ спарался узнать пому причины.

« Увы! вскричала она, — мы увидѣлись не для чего иного, какъ для чувствованія еще жесточайшей печали о вѣчной разлукѣ. »

Никогда, перерваль онъ съ живописію, — нѣшь, никогда дражайшая моя Констанція не будешь разлучена со мною ! »

« Но какимъ случаемъ избѣгнуть, сказала она, опъ жестокаго жребія, кошорый меня преслѣдуетъ ? »

« Укройшесь опъ вашихъ мучителей, опвѣчалъ Родольфъ; сія рука можетъ защищать васъ опъ ихъ

преслѣдованія. Не польза моя, присо-
вокупилъ онъ, заставляешь предла-
гаешь вамъ такой поступокъ. — Ко-
гда видѣлъ я васъ окруженною по-
чесными и благополучіемъ, я согла-
шался лучше умереть, нежели васъ
побуждаешь раздѣляешь малое счастіе;
и если бы вы подали мнѣ причину
думать, что вы могли бы быть сча-
сливою съ моимъ соперникомъ, —
повѣрьте мнѣ, Констанція! отчая-
ніе, въ которое бы ввергнула меня
сія споль ужасная мысль, никогда не
внушило бы въ меня намѣренія воз-
мущать вашего блаженства. — Но
состояніе, въ которомъ вы теперь
находишься! И такъ для вашего изба-
вленія изъ величайшаго несчастья, а
не для обнадеживанія себя самымъ
совершеннымъ благополучіемъ, кошо-
раго я могъ бы искашь, — приглашаю

я васъ сего дня спасаться со мною далеко опъ того, который хочешъ употребить во зло опеческую власть; дабы принудишь васъ содѣлать ужасныя узы. Я знаю нѣжность вашихъ чувствованій; вѣдаю шакже, сколь блиспаніе достоинства, на которое Баронъ можешъ васъ возвестъ, для вашего благополучія маловажно. Я не могу вамъ предложить богашствъ,— даже и въ сію минушу онаго не желалъ бы; но, о божественная Констанція! я шребую вашей руки, ибо сіе токмо право чеспи позволяешъ мнѣ быти вашимъ защитникомъ.»

Послѣ сей рѣчи Констанція познала великодушніе Кавалеровыхъ чувствъ, и поведеніе его, въ разсужденіи ея, не подавало ей никакого сомнѣнія въ ихъ искренности; однако она не могла рѣшиться слѣдовать его желанію.

ямъ. До сей минушы она никогда не была въ непослушаніи у своего опца. Пропивъ воли своей, такъ сказавъ, и скрышно опъ него, писала она любовь въ своемъ сердцѣ самую нѣжнѣйшую къ чловѣку, который по истинѣ былъ того достоинъ, но коего соспояніе не подавало ей никакой надежды получишь когда либо соизволеніе ея опца; а нынѣ, какъ надлежитъ явно пресупитъ его приказанія, освободясь опъ супруга, коего онъ избралъ, дабы дать другому ея руку пропивъ воли его; — сія мысль ее страшила, и внутреннее чувствованіе ея долго пропивилось дражайшимъ ея желаніямъ.

Но Леонора, которая не мѣшалась еще въ ихъ разговоръ, начала тогда говоришь, и самыми сильными выраженіями настояла въ предложеніи

Родольфа. Она умѣла одобрить всѣ доказательства, которыя внушало въ нее особое состояніе Констанціи, дабы привесити ее къ своей цѣли. Она ей представляла, что въ столь малое время не возможно было избѣгнуть, чтобъ не попасться въ руки Барона, и изобразила ей самыми ужасными красками всѣ обстоятельства соединенія, о кошоромъ она знала, что единая токмо мысль заставляла шрепешать ее опть ужаса. Она объявила даже, что могутъ ее обвинять въ невѣрности и вѣроломствѣ, еслибъ она приняла такимъ образомъ руку челоувѣка, между шѣмъ, какъ внутренно не знала, сколь было для нея шрудно испоргнуть изъ ея сердца первый предметъ ея любви.

Противъ сихъ доказательствъ, противъ усиленныхъ просьбъ Родоль-

фа, а наипаче прошивъ собственнаго ея сердца, которое клопилось въ пользу Кавалера, — Конспанція могла ли сама собою защищаться? Она была принуждена преклониться, и согласилась бытъ подъ защищеніемъ своего любовника. — Родольфъ сверхъ своихъ желаній, хопѣлъ бы въ восхищеніи своей радости, чпобъ Конспанція немедленно бросилась въ его объятія. Окно, которое не весьма было высоко, казалось, позволяло ей ошважиться безъ опасности на шаковой поступокъ. Онъ былъ въ неперпѣливости воспользоваться минушою, опасаясь, чпобъ Конспанція не перемѣнила намѣренія, и не случилось бы какого либо произшествія, которое содѣлалобъ побѣгъ ея шруднымъ; но Леонора сильно тому прошивилась. Она говоритъ, чшо въ сіе

время многіе изъ слугъ Барона прохаживаются въ лѣсу, въ ожиданіи ошѣзда своего господина; она изъявила нѣкошорыя другія препяшспвія, и Родольфъ самъ вспомнилъ обстоятельство, кошорое принудило его принять сей совѣшъ. Онъ оставилъ лошадей своихъ въ замкъ Дорнгейма, и вѣрояшно, что Коцспанція не могла предпринять споль дальный путь пѣшкомъ до перваго города, гдѣ можнобъ было достать лошадей. И пакъ должно было оставашься на распоряженіи, Леонорою предположенномъ. Намѣреніе ея было, когда всѣ въ домъ уснушъ, ввести Кавалера въ садъ, въ кошорой комнапа Коцспанціи выдавалась; коль же скоро увидишъ своего любовника, она сойдешъ въ окно, и онъ поведешъ ее къ мѣсшу, гдѣ оставишъ лошадей своихъ.

Леонора просила у него позволеніе слѣдовать ей въ побѣгъ, и Констанція съ удовольствіемъ на шо согласилась.

Хотя все казалось расположеннымъ, однако служанка, спустя нѣсколько времени, вздумала, что гораздо лучше было бы, еслибъ Родольфъ имѣлъ у себя ключъ отъ сада, и чтобъ онъ самъ въ него вошелъ; ибо она оставивъ свою госпожу въ минушу, въ которую присутствіе ея могло бы быть ей столь полезно, дабы подкрѣпить ея смѣлость и утвердить въ ея предпріятіи. Она не могла скоро достать ключа, потому что оставила его въ комнату, которую занималъ тогда Баронъ. Но она ихъ обнадежила, что, когда Баронъ уѣдетъ, она легко можешъ имъ овладѣшь, и что прине-

сепъ его Родольфу къ мѣспу, копорое онъ ей назначишь. Кавалеръ даль ей нужныя примѣшы, дабы найши хижину крестьянина, кошорый предложилъ ему убѣжище — и сія женщина обѣщалась припши къ нему прежде захожденія солнца.

Двое любовниковъ занимались еще нѣскольکو времени вмѣспѣ, и ихъ разговоръ кончился взаимными обѣщаніями и величайшими обнадеживаніями въ нѣжности и вѣчной вѣрности. Наконецъ нужда поспѣшишь взяшь своихъ лошадей, или доспашъ другихъ, побудила Родольфа разлучишь съ Конспанцією. При его отходѣ, она сняла бѣлое перо съ своей головы и бросила къ нему въ окно.

« Вложише его въ вашъ шлемъ, сказала ему она, я узнаю его при свѣшъ луны, и предамся, не спрашась ни-

какой ошибки, въ руки единого защитника, которому хочу я себя вѣрить. »

Родольфъ взялъ перо, и воскнулъ его въ свой шлемъ.

«Дражайшая Конспанція! вскричалъ онъ, — мои поступки могушь вамъ непрерывно являть новыя доказательства моей вѣрности; такъ, я въ томъ свидѣтельствуюсь честно, сей залогъ вашей любви будетъ для меня драгоценнѣе моей жизни. Пусть небесныя Ангелы пекутся объ васъ до той минушы, въ которую мы соединимся—до минушы, въ которую мы соединимся, о, восхищительная мысль!—чтобъ болѣе не разлучаться. »

Красота сей мысли не могла однакожь утишить горестъ, которую Родольфъ чувствовалъ, удаляясь отъ окна; но Леонора не переславала до-

казываешь, сколь нужно не терять ему времени. Онъ предался наконецъ повсюряемымъ усиленнымъ ея прошеніямъ, и простился съ Констанціею.

Намѣреніе его было итти къ жижи крестьянина, и доспать въ ней какого нибудь вѣспника, копорый бы ускорилъ въ замокъ Дорнгейма, въ копорый онъ рѣшилсѣ никогда не всступать ногою, дабы приказать отъ себя своему оруженосцу привести немедленно его лошадей.

Впрочемъ онъ думалъ, что не весьма нужно дѣлать извиненія Барону о своемъ скоропоспѣжномъ отъѣздѣ. Фридерикъ, коего онъ особенно почиталъ своимъ гостепрїимцемъ, могъ бы легко заключить, что сей отъѣздъ былъ слѣдствіемъ разговора, копорый былъ между ими въ лѣсу, и онъ осшавлялъ ему попеченіе описы-

вапъ Барону сей поступокъ цвѣшамн, какнми ему заблагоразсуднша.

Но Морнцевъ прнѣздъ предупреднль исполненне сего намѣреннн. Онъ еще не поперялъ нзъ виду замка Герцвальда, какъ повспрѣчался съ своимъ оруженосцемъ, копорый оказалъ величайшую радоспъ при возрѣннн на своего господнна. Онъ ему разсказалъ, что не видя его возвращающагося нзъ лѣса съ Фрндернкомъ, онъ былъ въ величайшемъ безпокойствнн; н что ождаая его нѣсколькo времени, не получая никакого нзвѣстнн, догадывался напоследокъ, что онъ поѣхалъ къ дѣвнцѣ Коншанднн, зная живую неперпѣлнвоспъ ндѣспъ ее, н въ слѣдствнне чего прнннлъ онъ сню дорогу, дабы его нскапъ.

Родольфъ хвалнлъ его усерднне, н увѣдомнлъ о счаспнливомъ успѣхѣ раз-

говора, который онъ лишь только имѣлъ съ Констанціею, которая обѣщала ему оставить въ сію ночь замокъ и съ нимъ скрыться. Онъ прямолилъ, что намѣреніе его было привести ее въ Вѣну, и коль скоро неразрывный союзъ, совершенный передъ ошаремъ, соединитъ его участь съ участью Констанціи, проситъ покровительства Императора, отъ коего онъ получилъ уже многіе знаки милости; не сомнѣвался, чтобы сей Принцъ не согласился употребить свою власть въ его пользу, дабы воспрешить преслѣдованія, которыхъ Баронъ не приминетъ сдѣлать, чтобы испоргнуть свою невѣсту изъ его рукъ, и ласкалъ себя, что столь могущественный посредникъ расположитъ отца Констанціи къ примиренію гораздо скорѣе, нежели мо-

жнобъ было надѣяться достигнуть
шого инымъ способомъ.

Между тѣмъ, какъ онъ занимался
такимъ образомъ съ своимъ оруже-
носцемъ, услышалъ поношъ лоша-
дей. Онъ скрылся позади нѣкото-
рыхъ деревьевъ. То былъ Баронъ съ
своею свисою, которъй возвращал-
ся въ свой замокъ. Родольфъ по-
чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе
опъ шого, что Баронъ оставилъ за-
мокъ Герцвальда, не имѣя времени
видѣть Констанцію. Когда они про-
ѣхали, онъ продолжалъ путь съ сво-
имъ оруженосцемъ, и когда у него
спросилъ, гдѣ были его лошади, ору-
женосецъ отвѣчалъ ему, что онъ
оставилъ ихъ въ замкъ Дорнгейма,
не зная намѣренія, которое онъ пред-
принялъ болѣе въ него не возвра-
щаться. Родольфъ приказалъ ему не-

медленно поѣхали за ними, и привесши ихъ къ хижинѣ крѣстьянина, куда и самъ спѣшилъ приѣхавши, думая, что послѣ ошѣзда Барона, Леонора не замѣшкается принести ему ключъ, долженствовавшій ошворить входъ Герцвальдова сада.

Великодушное его сердце всегда будучи сокрыто ошъ недовѣрчивости, не позволяло ему сомнѣваться, что ошъ сія служанка не брала участія въ напастяхъ своей госпожи. Въ восхищеніи своей радости онъ не вспомнилъ, что Фридерикъ самъ ему объявилъ, что онъ имѣлъ преклонившуюся къ себѣ одну изъ женщинъ Констанціи, и когда онъ о томъ вспомнилъ, то никогда не думалъ, что ошъ это была Леонора. Но была точная правда, что Леонора, развращенная подарками Фридерика, уведомляла его

обо всѣхъ довѣренностяхъ, которыя дѣлала ей ея госпожа. Она была увѣрена до тѣхъ поръ, что Констанція для того имѣла опроверженіе къ отцу, что была склонна къ сыну, и для того-то подъ видомъ, чтобъ испоргнувъ отъ нея сіе признаніе, завела она разговоръ, коего заключеніе не соопвѣщствовало ея надеждѣ; ибо она открыла въ немъ любовь Констанціи къ Родольфу. Сія превращенность, а особливо незапное явленіе Кавалера, заставили ее съ прилежаніемъ слушать разговоръ сихъ двухъ любовниковъ, въ намѣреніи сообщить ихъ предпріятія Фридриху.

Сдѣлавши сей планъ измѣны, долженствующій устроить ея благополучіе, она взяла ключъ, и вышла, чтобъ итти не къ жилищъ кресль-

янина, въ которой Родольфъ ее ожидалъ, но въ Дорнгеймовъ замокъ. Она искусно прикрылась, опасаясь, чшобъ нѣкоторые изъ слугъ Барона не признали ее за служанку Констанціи. Прибывши, она адресовалась, какъ по дѣлывала въ прочихъ своихъ посольствахъ, къ одному офиціанту, о которомъ знала, что онъ былъ особенно привязанъ къ Фридеріку, и пошчасъ была имъ опведена въ покой его господина.

Тщешно искавши Родольфа, Фридерікъ возвращаясь изъ лѣса, нашель, что отецъ его уѣхаль въ замокъ Герцвальда, куда самъ онъ не былъ приглашенъ. И такъ онъ провелъ день, предаваясь единственно безпорядку своихъ мыслей и занимаясь злыми предпріятіями. При возрвнїи на Леонору, лучъ надежды разпра-

виль нахмуренное его чело, и онъ спѣшилъ спросить ее, какую новость она ему скажетъ.

« Она такава, опвѣчала Леонора, что по выслушаніи ея, я ласкаю себя, вы будете мнѣ одолжены благодарностію. Однако признаюсь, что первая вещь, о которой хочу васъ увѣдомить, не имѣетъ ничего такого, чтобы могло вамъ нравиться. — Вы имѣете соперника, о которомъ до сей минуы вы не помышляли. »

« Кто такой? Какой это соперникъ? » вскричалъ онъ.

« Позвольте мнѣ напередъ, сударь, спросить васъ, откуда у васъ шлемъ, который вы носили, бывши въ послѣдній разъ въ замкъ? »

« Это шлемъ одного Кавалера, который въ службѣ Императора, »

опвѣчалъ Фридерикъ. Будучи при-
нужденъ ѣхать для отправленія не-
предвидимыхъ дѣлъ, я взялъ у него
онъ, ибо онъ легче былъ моего ;
и желая имѣть его у себя, я съ
нимъ другимъ помѣнялся. Но какая
тебѣ нужда до сего шлема ? »

« Сей Кавалеръ не называется ли
Родольфомъ ? » спросила Леонора.

« Такъ, это его имя , опвѣчалъ
Фридерикъ. »

« И такъ знайше , сказала она ,
что сей Родольфъ есть дражайшій
любовникъ Конспанціи. »

Фридерикъ послѣ сихъ словъ вспа-
нешъ съ ярости, приводишь себя на
память конецъ разговора, кошорый
онъ имѣлъ сего ушра съ Родоль-
фомъ, и удивляешся, что не опга-
далъ прежде того, что теперь до-

сочно ему слушать. Яросль его испускаешъ ужасныя проклятія , и Леонора имѣла много шруда воспрепятствовать ему бѣжать немедленно къ ненавистному сопернику , надъ коимъ хотѣлъ онъ произвести лютое мщеніе.

« Если бы вы были спокойнѣе, сударь, сказала она ему, я могла бы предложить вамъ мщеніе гораздо вѣрнѣе того, котораго вы можете ожидать отъ вашей шпаги. »

« Какое мщеніе ? вскричалъ Фридерикъ : говори мнѣ о мщеніи, если хочешь, чтобъ я тебя слушалъ. »

« Въ сію ночь , сказала Леонора, Родольфъ долженъ похитить дѣвицу Констанцію. Она бы можетъ быть на то и не согласилась, если бы я не испребила ея недоумѣній. Я ей

объщались ввести Родольфа въ садъ, гдѣ способно будешь ему ее принять. »

« Развѣ въ этомъ по состоишь, Леонора ! опвѣчалъ Фридерикъ, доказательство приверженности, кошорую ты мнѣ общала ? »

« Вы такъ думаете, опвѣчала Леонора. Но вотъ ключъ опъ воротъ сада, и вотъ бѣлое перо, кошорое вложите въ вашъ шлемъ: когда Констанція его увидишь, она приметъ васъ за Родольфа, и вы можете ее везти, куда вамъ угодно. »

« Ахъ ! дражайшая Леонора ! вскричалъ онъ, какая благоразумная уловка ! Теперь я познаю твой превосходный шаланшъ ; вотъ прекрасный способъ къ опмщенію имъ обоимъ. »

« Это еще не все, сударь, подхватила служанка. Помните ли вы, что некогда, не подозревая сердца Констанции въ чувствительности къ другому, я совѣтовала вамъ предложитъ ей бѣгство съ вами, чтобы освободиться опять замужства ; къ которому я довольно знала ея обращеніе. Вы мнѣ тогда отвѣчали, что подвержены будете лишенію имѣнія шаковымъ поступкомъ, который воспалилъ противъ васъ всю ярость вашего ошца. »

« Ахъ ! теперь я болѣе о томъ не беспокоюсь, вскричалъ спремисельный юноша ; я лучше готовъ жертвовать моимъ благополучіемъ и даже жизнью, если то будетъ должно, нежели лишиться столь драгоценнаго случая. »

« Вы не имѣете нужды, отвѣчала

служанка, подвергашь опасности ни
шого ни другаго. Я предложила Кон-
спанціи слѣдовать мнѣ въ ея побѣгъ.
Вамъ надлежитъ только возврапитъ
меня въ замокъ завтра поутру; я обра-
щу сіе приключеніе на счетъ Родоль-
фа, и подкрѣплю мое повѣспованіе
обстояшешельспвами, которыя опвле-
кушъ васъ оны всѣхъ подозрѣній,
и принудитъ вашего и ея опца обра-
шитъ на Кавалера всю ярость, ко-
норую должно имъ внушитъ па-
ковое поношеніе. Я въ сію минушу
пойду къ вашему сопернику увѣдо-
митъ его, какъ будшо бы со спо-
роны ея любовницы, что она иначе
не можешъ бѣжатъ съ нимъ, какъ
въ предслѣдующую ночь. И такъ
завтра же онъ самъ предаспся въ
руки своихъ непріятелей, и пред-
спавъше же себѣ, сударь, когда Ба-

ронъ Дорнгеймъ увидишь въ немъ соперника, похитившаго у него его любовницу, не будетъ ли онъ самъ ревностнымъ къ оказанію услуги вашему праведному гнѣву, и къ произведенію надъ Кавалеромъ самаго ужаснѣйшаго мщенія ? »

Хотя Леонора была весьма свѣрсна, что таковой умыселъ, сдѣланный съ шолкимъ вѣроломствомъ, произведетъ великое неудовольствіе въ Фридерикъ; однако восхищеніе, которое онъ изъявилъ, превзошло ея чаяніе. Онъ дѣлалъ ей знашныя обѣщанія, и снявъ съ руки весьма богатой бриліантовой перстень, подалъ ей въ знакъ его благодарности. Леонора приняла его съ великимъ удовольствіемъ, и дѣлала Фридерикю нѣкоторыя другія наставленія, чтобы лучше обмануть Кон-

спанцію. Потомъ она его оставила и спѣшила къ хижинѣ, въ которой Родольфъ давно уже ее ожидалъ съ чрезмѣрною нешерпѣливостію. Коль же скоро онъ ее примѣшилъ, то немедленно приблизился къ ней, и спросилъ, принесла ли она ключъ, коимъ общала ?

Увы! нѣтъ, отвѣчала она съ прищворною горестію. Констанція посылаетъ меня противъ моей воли, извѣстивъ васъ непріятнымъ образомъ, что причинитъ вамъ живѣйшую печаль. Она не можетъ оставишь въ сію ночь замка.

Не можетъ ? вскричалъ Родольфъ. Ахъ, Леонора, какую ужасную новость принесла ты мнѣ ! Не ужели Констанція пожелаетъ уничтожишь свое обѣщаніе ? »

« Это сдѣлалось противъ ея воли, опвѣчала она, мужеспвенный Кавалерт; и вы не иначе должны взирашь на сію коропкую опсрочку, какъ на случай, кошорый касаешся до вашего благополучія. Вы можете положишься, чпо ночью, кошорая должна слѣдовать за сею, Конспанція непременно будетъ вашею.»

« Ахъ! для чего не въ сію ночь? » вскричалъ онъ.

« Выслушайте меня, сударь, опвѣчала Леонора. Тотчасъ послѣ опъѣзда Баронова, я пошла за ключемъ, и не нашла на помѣ мѣспѣ; а Конспанція узнала съ превеликимъ неудовольствіемъ, чпо опецъ ея, имѣя нужду выпши изъ замка за нѣкопорымъ нечаянно случившимся дѣломъ, и не зная почнаго часа, къ

копорому могъ бы онъ возвратиться, взявъ опъ сада ключъ, воображая, что симъ способомъ удобно можешъ опянь войти пакъ, чтобы никто въ домъ не былъ принужденъ ожидать его. »

« Но хотя онъ взялъ ключъ, вскричалъ Родольфъ въ своей еспраспной неперпъливости, развѣ я не могу перелѣзть чрезъ спѣну? »

Увы! не видите ли, сударь, что вы не можете избѣгнуть опасности бышь задержану при его возвращеніи? Онъ повсирѣчается съ вами въ бѣгствѣ съ Констанціею, и слѣдствіе шаковаго препяпствія было бы лишеніемъ всей вашей надежды. Онъ конечно не преминешъ вырвать ее у васъ силою, и если бы вы спали ее защищашъ, подумайте о положеніи, въ копоромъ

она будетъ , когда увидитъ отца своего упавшаго подъ вашими ударами. Сія ужасная мысль, я увѣрена, произвела бы надъ ея сердцемъ споль глубокое впечатлѣніе, чпо всѣ резоны, которые бы вы сами ей предсказавляли, не могли бы ея увѣришь, чпо можно избѣжать опасности подобной сцены. — Но завтра вамъ не должно будетъ шакъ спрашиваться ; завтра, будыше увѣрены, она послѣдуетъ за вами въ бѣгство опъ мучительства шѣхъ , кои пожела- либъ принудитъ ее сочешаться бракомъ съ человекомъ , къ которому имѣетъ она опвращеніе. »

Родольфъ не весьма былъ расположенъ соглашаться на сію опсрочку въ разсужденіи своихъ нуждъ ; но сія вѣроломная женщина говорила ему съ шоликою хитросцію,

оказывала сполько спараній и чувствительности къ его интересамъ, что наконецъ онъ предался, и рѣшился вооружиться перпвнїемъ до слѣдующей ночи. Леонора общалась ему приши на другой день поупру, для увѣдомленія его, если будешъ можно, чтообъ въ печенїи того дня имѣлъ онъ впоричной разговоръ съ Констанцією, дабы рѣшишельно расположишь мѣры, копорыя они должны предириняшь въ своемъ бытствѣ. Попомъ она оставила его, и возвратилась въ замокъ Герцвальда. Госпожа ея давно уже ожидала ея возвращенія съ живѣйшею неперпѣливостию. Дабы извинишь въ ея долгомъ отсутствїи, она сказала ей, что Родольфъ удержалъ ее своими многими вопросами обо всемъ, что случилось съ предметомъ его любви,

со времени ихъ жестокой разлуки. Легковѣрная Констанція была чувствительно пронута сими знаками участія, которое въ разсужденіи ея бралъ любовникъ.

Не смотря на сіе, во время оцщствія Леоноры, намѣреніе ея начало колебаться. Ужасъ бытъ виновною въ намѣреніи заключить бракъ прошивъ воли своего отца, склонилъ ее оспаться, и пожертвовашъ своему долгу своимъ счаспіемъ. Но убѣдительная рѣчь служанки возбудила споль сильно въ душѣ ея омерзѣніе къ Барону и нѣжностію къ великодушному Родольфу, что она ушвердилась совершенно въ намѣреніи исполнить свое предпріятіе; и потому съ нѣкопорымъ родомъ спраха, чпобъ продолжительныя разсужденія не вринудили ее ошъ того ошказашься,

ожидала она назначеннаго часа къ своему отъѣзду.

Она удалилась въ свою комнату ранѣе обыкновеннаго ; мысль, что дѣлалась непослушною своему отцу, производила въ ней въ его присутствіи всѣ смятенія преступленія. Будучи мало способна къ прищворству, она воображала себѣ, что глаза ея измѣняли каждую минуту тайнѣ ея сердца. Если бы отецъ ея говорилъ съ нею съ шикостию, она никогда не былабы въ состояніи повѣдывать своею чувствительностию. Но овъ ей упрекалъ съ большею еще жестокостию, нежели обыкновенно, за отвращеніе, которое оказывала она къ человеку, коему онъ назначилъ ея руку, и увеличивалъ ей чрезмѣрную сшрасшъ, которую прелести ея внушили въ Барона, съ вы-

раженіями лишь только умножившими необоримое омерзѣніе, которое она къ нему имѣла. Она слушала его, пребывая въ глубокомъ молчаніи, не осмѣливаясь ему отвѣчать; но когда она оставила его, дабы удалиться въ свою комнату, будучи поражена мыслию, что съ нимъ разлучалась не на одну ночь, но можешь быть на всегда, она залилась слезами. Пришедши же туда, нѣсколько времени плакала безъ принужденія, между шѣмъ, какъ Леонора была занята пріуготовленіями всего, что нужно было къ дорогѣ.

Однако, когда въ домъ всѣ легли, то при приближеніи часа, въ который Родольфъ долженъ былъ прибыть, слезы ея унялись и сердце ея начало биться въ ожиданіи роковой минуты. Она не замедлила ви-

дѣтъ чловѣка въ саду, и чѣмъ больше онъ приближался, тѣмъ сильнѣе оружія его блиспали при свѣтѣ луны, и онъ былъ уже довольно близокъ, чшобъ она могла различить бѣлое перо, возвышающееся на его шлемѣ. Когда же приблизился онъ подъ окно, Леонора спрашась, чшобы госпожа ея не примѣшила, чшо голосъ его не былъ Родольфа, спѣшила сказать ему шихо на ухо, чшобъ не говоришь, въ спрахѣ, дабы онъ не былъ услышанъ ни кѣмъ изъ замка, кто еще не заснулъ. Фридерикъ понялъ ея мысль и сдѣлалъ знакъ ей, чшо воспользуется симъ совѣтомъ. Чшо же касалось до Констанціи, ея не надобно было принуждать къ молчанію. Въ первый разъ она намѣревалась учинить пошупокъ, копорымъ совѣсть ея упре-

кала, и опъ сего-шо поступка зави-
сѣло благополучіе остатка ея жиз-
ни. — Смяпеніе ея было споль силь-
но, что едва позволяло ей говоришь.
Она хотѣла даже еще опказаться
опъ своего предпріянія и оспаться
въ замкѣ; но Леонора укоряла ее въ
слабости, и представляла, что ко-
гда однажды упустишь сей случай
освободишься опъ жестокаго неволь-
ничества, шо она не можешъ въ
другой разъ его сыскать. Леонора
имѣла брагоразуміе запасись вере-
вочною лѣсницею, помощію копорой
робкая Констанція спустилась въ
садъ.

Она не допронулась еще до земли,
какъ спрастный Фридерикъ заклю-
чилъ ее въ свои объятія. Констан-
ція казалась обиженною дерзостію,
къ копорой она не привыкла, и спа-

ралась освободиться немедленно изъ его рукъ, показывая ему шѣмъ свое неудовольствіе. Фридерикъ спрашася заранѣе ее въспревожишѣ, укропиль свою стращь, и съ самымъ почтительнымъ видомъ опвелъ ее къ ворошамъ сада, гдѣ вѣрный слуга ожидалъ ее съ двумя лошадыми. Онъ вскочиль на одну, посадивъ передъ собою прелеспную свою любовницу, о которой погда на вѣрно думалъ, что была уже его; слуга обременилъ ся таковымъ же образомъ Леонорою, и оба, понуждая своихъ лошадей, поскакали во весь опоръ.

Между шѣмъ вѣрный Родольфъ, весьма опдаленный, чтобы вообразашъ ужасное упопробленіе, производимое погда надъ его именемъ и перомъ его шлема, опшался нѣсколько времени въ хижинѣ послѣ

опытія служанки, предаваясь горести, копорую причиняло ему сіе печальное посольство. Мориць еще не прїѣзжалъ, и онъ весьма желалъ его возвращенія, дабы ввѣришь кому свою жестокою печаль; но наконецъ не могши болѣе пропивиться своей неперпѣливости, онъ встаетъ и идетъ прогуливаясь въ лѣсъ. Онъ въ немъ бродилъ нѣсколько времени, занимаясь возмущеніемъ своего воображенія, идеями новыхъ предпствій, копорыя моглибъ останавитъ исполненіе его желаній на другой день. Ночь распросперла уже свое покрывало по всей природѣ, и сія темноша, казалось, приносила нѣкошорое облегченіе въ скукъ Кавалера; ибо она приводила ему на память размышленія, копорыя колебали его душу, какъ на канунѣ

въ одинаковой часъ онъ проходилъ лѣсъ, и когда помышлялъ, какую неоцѣненную награду имѣлъ онъ тогда въ своихъ глазахъ, извѣстность бышь любиму Констанцію, копрою онъ въ ту минушу наслаждался, и почное обѣщаніе, которое она ему сдѣлала слѣдовать за нимъ на другой день. Онъ укорялъ себя съ нѣкоторымъ родомъ смятенія, склонившись въ шакомъ случаѣ на шакую опсрочку; онъ старался опвлечь разсудокъ свой отъ печальныхъ воображеній, кошорыя ему докучали, возсылалъ къ небу усердныя молишвы, и препоручалъ предметъ своей любви подъ спражу Ангеловъ, защитниковъ добродѣтели и невинности.

Попомъ вспомнилъ, что между тѣмъ, какъ прогуливался споль поздно въ лѣсу, великодушный крестья-

нинъ, предложившій ему убѣжище, ожидалъ его прихода для преданія себя покою. Но онъ споль мало имѣлъ вниманія къ дорогѣ, копорю шель, что не зналъ, копорая шропинка моглабъ привести его къ хижинѣ. Онъ былъ въ сей неизвѣстности, какъ вдругъ увидѣлъ свѣшъ, блестящій сквозь деревья. Онъ спарался къ нему приближись, однако скоро узналъ, что сія ясность была сильнѣе, нежели ша, копорюю можешъ произвестъ свѣча сквозь окно креспьянина; свѣшъ, казалось, удалялся, чѣмъ ближе онъ подходилъ. Будучи приведенъ въ удивленіе и пораженъ чувствованіемъ ужаса, онъ не переспашеиъ за нимъ слѣдоваиъ, какъ вдругъ сей свѣшъ ударяиъся къ землѣ, и Кавалеръ нашелся при входѣ *Пещеры смерти*.

Тогда приводишь на память сонъ, кошорый онъ видѣлъ; спранныя повѣствованія, которыя слышалъ въ замкѣ Дорнгейма; намѣреніе, кошорое онъ предпринялъ извѣдать шайну сей ужасной пещеры, о коей дневныя произшесшвія заставили его позабышь; жестокая превращенность, кошорая воспрепятствовала ему оставишь въ сію ночь лѣсъ, казалась ему произведеніемъ судьбы, кошорая для того соблюла его, чшобъ открышь злосчастную сію шайну. И такъ онъ вознамѣрился предприняшь отважность, къ кошорой чувствовалъ себя влекомымъ внутреннимъ и невольнымъ движеніемъ.

Хотя ночь не такъ была темна, однако вѣтвистыя деревья, коими мѣсто то было окружено, производили тѣнь столь густую, что едва

можно было различать предметы. Между шѣмъ слабый лучъ свѣта былъ отражаемъ чрезъ нѣкоторое мѣсто; но быстрой ручей, взявшій начало свое изъ глубины пещеры, пробирался сквозь скалы, нѣсколько пониже одного мѣста, чрезъ которое можно было проникнуть въ сіе ужасное обиталище. Сей входъ, въ который никто съ давнихъ уже лѣтъ не осмѣливался проложить дороги, былъ засоренъ великимъ множествомъ шперновниковъ и весьма густыми кустами, служащими унылымъ ночнымъ шшицамъ убѣжищемъ. Кавалеръ предпринялъ сперва раздѣлить сіи кустарники, но мракъ, окружавшій тогда его, былъ препятствіемъ его усилій, и подавшись нѣсколько шаговъ въ пещеру, темнога была непроницаема. И такъ

онъ вознамѣрился ийти къ крестьянину, взять факель; а какъ онъ зналъ уже, въ какой споронѣ лѣса онъ находится, по сыскалъ безъ труда дорогу къ хижинѣ. У дверей онъ повспрѣчался съ Морицемъ, который прѣхалъ съ лошадьми, и удивлялся его опсупсшвию, зная точно, что приближился часъ возвращенья въ замокъ Герцвальда. — Родольфъ увѣдомилъ его о превращенности, которая разрушила его предпріятія, и о намѣреніи ийти немедленно въ *Пещеру смерти*. Морицъ казался симъ встревоженъ, и хотѣлъ было говорить о предосторожностяхъ; но онъ его не слушалъ.

«Будь тѣмъ доволенъ, сказалъ онъ ему, что не пребую опъ тебя по-го, чтобъ ты слѣдовалъ за мною. Если бы ты былъ не столь слабъ

и робокъ, свое сошоварищество въ такомъ случаѣ могло бѣ для меня бытъ пособіемъ для разсѣянія злополучныхъ впечатлѣній, оны коихъ самая твердая душа съ прудомъ можетъ защищаться; но прудъ таковой, какъ ты, будешь для меня болѣе шагоспнымъ, нежели полезнымъ: останься лучше здѣсь съ моими лошадьми, и ожидай моего возвращенія. Если небо благоволишь споспѣшествовать моимъ намѣреніямъ, ты увидишь меня прежде зари. »

И пакъ, вошедши въ хижину, спросилъ онъ факела; но когда крестьянинъ узналъ о причинѣ, побуждавшей его просить оной, то объяснъ былъ симъ ужасомъ, который производимъ былъ во всѣхъ тѣхъ, кои слышали произносимое имя *Пещеры смерти*.

« Увы ! мужественный Кавалеръ ! какое опчаяніе побуждаетъ васъ къ такому предпріятію ? Знайте, что никогда человекъ, зашедшій разъ въ сію пещеру, не можетъ никогда возвратиться въ обиталище живыхъ. »

Кавалеръ оспался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, и крестьянинъ, хопя съ сожалѣніемъ, далъ ему факель, и Родольфъ возвратился одинъ къ пещерѣ.

Сердце его было хопя вооружено смѣлостію, превосходящею всѣ опасности; однако вооруженіе его было приведено въ содроганіе опъ ужасныхъ обспояпельспвъ; кои сопровождали предпринимаемую имъ опважность. Слухъ его былъ хопя поражаемъ легкимъ шумомъ лиспьевъ, или древесныхъ вѣшви, раздуваемыхъ

въспромъ, колеблемы были при его проходѣ, онъ шрепешалъ и думалъ видѣшь во всѣхъ предметахъ дѣйствіе сверхъестественной силы.

Когда онъ прибылъ къ пещерѣ, то старался опять пробраться сквозь густые кустарники, заглушавшіе входъ; но найдя въ семъ великія затрудненія, вынимаетъ свою саблю, и помощію ея прочищаетъ себѣ дорогу. Птицы, привыкшія споль давнее время смиренно покоишься подъ сею непроницаемою стѣною, теперь будучи попревожены въ ихъ убѣжищѣ, спасаюцца въ споль великомъ множествѣ, что Родольфъ счелъ за нужное ошесупишь нѣсколько назадъ, опасаясь, чшобъ сіи птицы, стремящіяся всѣ къ огню, не попустили его факела движеніемъ ихъ крыльевъ. Видя ихъ всѣхъ разсѣян-

ными, онъ приближается, и нашедши тогда свободный проходъ, просишь помощи у Вышняго Существа, и входишь въ пещеру. Нѣсколько времени шелъ онъ съ саблею въ рукахъ; но часъ опъ часу дорога становилась труднѣе, и встрѣчаясь съ большими глыбами разбирыхъ скалъ, по копорымъ принужденъ былъ всходить съ трудомъ, счель за лучшее вложишь свою саблю въ ножны, дабы имѣшь свободу дѣйствовать своими руками; и въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ причины спрашиться въ семь мѣстѣ, чшобъ повстрѣчаться съ непріятелями, прошивъ коихъ сабля его моглабъ бышь ему полезнаю.

По мѣрѣ, какъ онъ впередъ подавался, ужась сей мрачной шемницы усугублялся въ его глазахъ. Хладная влажность воздуха леденила кровь

его. Молчаніе ничѣмъ другимъ прерываемо не было, какъ шокмо каплями, временемъ падающими со свода, наипаннаго грубыми парами, до половины свѣщившимся. Каждой шагъ дѣлалъ онъ съ оспорожноспію, и когда случалось, что нога его наступала на какой нибудь гладкой и скольскоой камень, звукъ, имъ производимый, заставлялъ биться сердце его съ чрезмѣрною силою. Постепенно приближается онъ къ началу сего подземнаго источника, кошорый онъ примѣнилъ и кошорый прошекалъ близъ входа пещеры. — Смершная шишина, царспивавшая въ семь мѣсць, была возмущаема шумомъ сего источника, кошорый сперва, въ нѣкошоромъ разстояніи, казался глухимъ журчаніемъ, но когда къ нему приближались,

то были приводимы въ спрахъ ужаснымъ паденіемъ его водъ, копорья съ яроспію спремились сквозь разбиныя скалы, прошиваціяся ихъ печенію. Кавалеръ принужденъ былъ тогда ползти, а не ийти; попому что сводъ былъ низокъ, и дѣлался шаковымъ часъ опъ часу болѣе, по мѣрѣ, какъ онъ шель; но прошедши нѣкоторое проспранство, опираясь руками и колѣнами, сводъ вдругъ возвысился, и онъ очутился въ обширномъ мѣстѣ, но не могъ измѣрить мысленно его длину и вышину, ибо конецъ его терялся въ непроницаемой шемношѣ. Въ воздухъ ешоль густомъ свѣшъ факела его не распроспранялся далѣе руки, копорая его несла. Но когда онъ возшель на край ушеса, копорый висѣлъ надъ испочникомъ, съдая пѣна

водъ его дала ему примѣпипшь, что она падала съ одной весьма возвышенной скалы на обрушины и ошломки, которые производили нашуральный каскадъ. Приводящій въ ужасъ шумъ сего испочника наполнялъ душу Кавалера спрахомъ, какого онъ никогда еще не зналъ. Онъ съ скоростію сошелъ внизъ съ береговъ его, и опошелъ къ скалѣ, копорая, какъ казалось, была съ одной спороны концемъ пещеры. Онъ оспался нѣсколько времени опершись на ней, между пѣмъ, какъ воображеніе его, не бывши облегчаемо явленіемъ никакого видимаго предмета, было совсѣмъ занято привожденіемъ ему на память вчерашняго сновидѣнія, и предспавляло ему то гнуснаго пугалища, висящаго на черномъ облакѣ, то лишеннаго шѣла война, укрывавъ

шагося его объашій, и дѣлающаго движеніе роковою шпагою.

Родольфъ не долго допускалъ себя спрашашь сими печальными воображеніями; но помощію размышленія онъ спарался приняшь сію непоколебимую швердосшь, кошорая въ минушу опасности никогда его не осшавляла. Онъ спыдился своей слабоспи, думая, что не повстрѣчалось ему еще никакой опасности, кошорая могла бы оную оправдашь. Удаляясь же опшь скалы, на кошорой онъ споялъ опершись, располагается продолжашь далѣе свои поиски, какъ вдругъ чувспвуешь, что кино-шо сзади его шянешь. Сердце его шрепещешь; онъ оборачивается, объашій спрахомъ, и не видешь никого около себя, спопришь по всѣмъ споронамъ, и заключаешь на-

конецъ, что это есть ничто иное, какъ мечта испуганнаго его воображенія. Онъ силился итти впередъ; въ другой разъ кто то сзади его шепчетъ, и въ шужь минушу онъ примѣчаетъ привидѣніе, коему даже воображеніе его не можетъ опредѣлить никакого образованія, скрывающееся въ разсѣлинѣ скалы, которую темноша препяшествовала ему до тѣхъ поръ видѣть, но которая, когда онъ приблизился, открыла его взорамъ длинную и узкую пропину, идущую покапо, и прекращенную сходомъ въ ущелье, при концѣ котораго примѣшилъ онъ красное пламя, подобное солнечному въ знойные дни, когда оно садится багряно въ шуманиспый горизонтъ.

Родольфъ собираетъ со всеми силами души своей, и сходитъ по сей

шропинкѣ. До того времени земля, по которой онъ шелъ, была тверда и камениста, но послѣ, при каждомъ шагѣ, нога его углублялась въ кучахъ песка. Будучи водимъ пламенемъ, которое казалось обширнѣе и блистательнѣе по мѣрѣ, какъ онъ приближался, онъ прибылъ подъ небольшой сводъ почти круглый, освѣщенной токмо его лучами, и за которымъ онъ не примѣчалъ уже никакой стези. Въ семь-то мѣстѣ, сверхъестественная сила такъ назначила, что Родольфъ возымѣлъ надежду найти конецъ сего происшествія. Онъ спавовипись на колѣна и просишь покровительства святыхъ Ангеловъ. Устремляя попомъ глаза свои на сіе висящее въ воздухѣ надъ его головою пламя, онъ примѣчаетъ, что оно бросало лучи,

кошорые падали, извиваясь, на небольшое возвышеніе, соспавленное изъ песка, и слышалъ около себя слабый звукъ, подобный шуму, производимому въ нѣкоторомъ разстояніи біеніемъ крыльевъ пшицы. Онъ смогрипъ на сіе возвышеніе, и примѣчаепъ подъ его поверхносшію нѣчто блиспающее; онъ наклоняепся, разрываетъ нѣсколько песокъ, и видитъ клинокъ шпаги. Какоежъ было душевное его смяпение, когда примѣшилъ, что оледенѣлая и изсохшая рука скелета оную держала!

Слова, произнесенныя привидѣніемъ, имъ во снѣ видѣннымъ, приходилъ тогда ему на память. Онъ падаепъ на колѣна и вопіепъ :

« О ! кто бы ты ни былъ получившій обиду, неизвѣспный, коего даже и имени я не вѣдаю, но кошо-

рый конечно привелъ меня сюда, и которъ въ сію минушу невидимъ: я принимаю сію шпагу и клянусь не давать себѣ покоя, пока не будетъ исполнено мщеніе, коего орудіемъ долженъ бытъ я, и опъ коего, если я долженъ вѣрять своимъ оракуламъ, собспвенная моя судьба зависить по шаминственнѣмъ объясненіямъ, коихъ не могу еще проникнуть.

Едва онъ произнесъ сіи слова съ смященіемъ, которое занимало почти его голосъ, то пропхануль руку, чшобъ взять шпагу; въ шужъ минушу изсохшіе пальцы, которые ее держали, опверзлись сами, и оставили ее въ его рукѣ. Въ то время пламя исчезаетъ съ сипремленіемъ молніи. Порывистый вѣтръ возснаетъ, заглашаетъ факель, и окружаетъ Родольфа исчанымъ вихремъ.

Душа его, взшедшая уже на самый верхъ ужаса, не могла снести сего послѣдняго удара; онъ упалъ на землю въ обморокъ, и также почти бездушень какъ и ужасный скелетъ, близъ него лежащій. Онъ остался нѣсколько времени безъ движенія и разума, и когда пришелъ опять въ чувство, среди сей глубокой мрачности глаза его начинали открываться. Онъ почувствовалъ, что рука его была въ скелетовой; онъ опдернулъ ее съ живѣйшимъ чувствованіемъ ужаса, и силясь еще возбудить свою смѣлость, онъ всматривался, слышавъ шумъ испочника, и ласкаетъ себя, что шедши къ споронѣ, откуда производилъ звукъ, найдеть проходъ между скалами, чрезъ кощорья онъ вошелъ въ сію окружность. Но вдругъ онъ его находилъ посредствомъ свѣта, ко-

порый выходилъ изъ наружной части пещеры; онъ приближается и примѣчаетъ многія сіянiя, кои колебались, слѣдуя различному склоненiю, въ окружностяхъ перваго входа. Ему кажется, что слышишь человѣческіе шаги и звукъ оружія. Въ шумину ужасный вопль, составленный изъ многихъ вмѣстѣ смѣшанныхъ голосовъ, поражаетъ его слухъ, и сквозь невнятные голоса нѣкопорыхъ, онъ ясно слышишь вопiющихъ: « *Кровь! потокъ крови!* »

Пещера заколебалась тогда до своего основанiя; голоса перляются среди спрашнаго шума, который кажется произведенъ былъ цѣлымъ опроверженiемъ природы; эхи скаль продолжаютъ и усугубляютъ во шумпренности пещеры сей спрашный шумъ, который изпробляется и упи-

хаетъ поспепенно; напоследокъ ничего болѣе не слышно, кромѣ унылаго журчанія испочника.

Сіянія исчезли, но нѣкопорый слабый свѣтъ, копорый еще оспавался, направлялъ стопы Кавалера. Держа непреспанно роковую шпагу, онъ пошелъ по пропинкѣ, копорая завела его въ сію могилу, и когда онъ вышелъ, и былъ въ одной части пещеры, болѣе широкой и открышой, то увидѣлъ, что сей свѣтъ, примѣченный имъ, производилъ отъ факела, копорый оспался на землѣ запогашеннымъ. Будучи обрадованъ нашедши огонь, онъ беретъ факель и немедленно открываетъ, что спрашннй шумъ, копорый онъ слышалъ, былъ произведенъ паденіемъ чрезмѣрной величины опломкомъ скалы, подъ коимъ, смощра вблизи, увидѣлъ окро-

вавленные члены двухъ раздавленныхъ челоуѣковъ. Будучи объапъ новымъ ужасомъ при семъ страшномъ зрѣлищѣ, онъ слышишь позади себя глухія спенанія, подобныя челоуѣчскимъ; при послѣднемъ уже ихъ издыханіи; онъ шрепещеть. — Нѣскольکو минушь спуспя, сіи спенанія опять начинающъ; онъ оборачиваетъся, и смотря около себя, примѣчаетъ во оруженнаго челоуѣка, распроспертаго на землѣ. — При его приближеніи незнакомый испускалъ снова вздохи.

« Кто ты таковъ? кричишь ему Родольфъ, усшремляя на него свои взоры, и какое намѣреніе завело тебя сюда? »

При звукъ челоуѣческаго голоса незнакомый поднимаетъ до половины голсу и опкрываетъ Родольфу чер-

ты Барона Дорнгейма. — Будучи въ удивленіи и едва могли вѣрнѣе своимъ глазамъ, онъ ошпанавливается на минушу, смотря на него въ молчаніи; между тѣмъ какъ Баронъ, препенца при его видѣ, бросается лицомъ къ землѣ и поднимаетъ руку, какъ бы снлясь предохранить себя отъ вида какого нибудь ужаснаго привидѣнія.

« Куда хочешь ты меня увлечи, мспшительный духъ? » сказалъ онъ слабымъ и препенущимъ голосомъ.

Родольфъ, называя его по имени, спросилъ, къ кому ошносяпся сн слова, и кшобъ могъ причинить ему сн столько спранное внутреннее безпокойство. Но на всѣ вопросы безпорядокъ его ошвѣтовъ засшавилъ думать Кавалера, что онъ лишился разума; напоследокъ Баронъ, въ су-

дорожномъ движеніи, подымасть еще голову, и облокотясь на свою руку, неподвижнымъ и смутнымъ окомъ смотритъ на Родольфа.

« Для чего бросаете вы на меня сіи ужасные взоры? сказалъ Кавалеръ; развѣ вы меня не знаете? »

« Я тебя знаю, вскричалъ Баронъ; ахъ! я тебя весьма коротко знаю.— А сію шпагу?—Роковая минута, предсказанная привидѣніемъ, настала, и семейство мое испреблено уже съ земли. »

« Сіи слова, прервалъ Родольфъ, содержатъ въ себѣ таинственный смыслъ, и въ обстоятельствахъ, въ коихъ я нахожусь, они меня слишкомъ тревожатъ, чѣмъ я могъ позволить себѣ не принудить васъ дать мнѣ въ нихъ изъясненіе. Вспомните и готовьтесь немедленно мнѣ отвѣчать на вопросы, коихъ произ-

шествія пеперешняго дня даюпъ мнѣ смѣлоспъ вамъ сдѣлапъ. »

Баронъ вспаепъ, какъ будпо бы успрашенвый вышнею силою, копорая не позволаетъ ему пропивишься; но вдругъ снова пришедши въ ужасъ, онъ вскрикиваетъ:

« Ахъ !... сеі ужасный предметъ... сія кровавая рѣка... Спасите меня.... избавьте меня ея вида !... »

«Таковы-то сущъ ужасы преступленія, опвѣчалъ Родольфъ, и вы тщепно спараепесь скрываеться опъ спрашилищъ, произведенныхъ вашею совѣстію, копорая васъ обвиняепъ. »

« Такъ ! эпо тщепно, опвѣчалъ Баронъ; но если ты хочешь слышать пагубную тайну, копорую долженъ я открьпъ шебѣ, выведи меня изъ сожалѣнія съ сеі сцены ужаса. — Здѣсь я не могу ! — Сего сдѣлапъ мнѣ не возможно ! — Они

меня окружають — демоны мщенія
 меня осаждаютъ — немилосердые духи
 смерти, висящіе надъ моею головою,
 въ нешерпѣливости схватить свою
 добычу.

Родольфъ весьма видѣлъ, что ра-
 зумъ его былъ въ величайшей раз-
 стройкѣ, и что онъ не могъ сдѣ-
 лать ему порядочнаго повѣспованія
 въ семъ ужасномъ мѣстѣ, которое
 наполняло боязнію сердце даже и не-
 виннаго. И такъ онъ приближается
 ко входу пещеры, а Баронъ слѣдуетъ
 за нимъ колеблющими шагами.

Они прибыли къ самому тѣсному
 проходу, какъ огонь ошъ факела Ро-
 дольфа освѣпилъ нѣкоторую броню;
 онъ смотритъ, и примѣчаетъ чело-
 вѣка, который спарается скрыться
 во впадинѣ скалы. Сей несчастный,
 видя себя открытаго, идетъ съ пре-
 пепомъ къ ногамъ Кавалера, и

просишь жизни. Родольфъ пожелалъ знать, что побуждало его скрыватьсь. Незнакомецъ признался, что онъ одинъ изъ подданныхъ Барона Дорнгейма, и что господинъ его привелъ въ сію пещеру его для погубленія Родольфа.

« Правда ли это? » сказалъ Кавалеръ Барону, усматривая на него глаза свои съ суровоснію.

« Весьма правда, опивчалъ Баронъ; это было мое намѣреніе. — Но невидимая сила забавлялась моими предпріятіями, и я шцещно хопѣлъ противиться опредѣленію судьбы. »

Родольфъ приказалъ сему чловѣку встать и слѣдовать за нимъ; они всѣ трое вышли изъ пещеры. Хопя лѣсъ былъ еще облеченъ мрачностію глубокой ночи, темнота оной для глазъ, споль долгое время бывшихъ

въ семь мрачномъ подземельѣ, имѣла почти сіяніе дня.

Уступая усильному прошенію Барона, Кавалеръ отступилъ еще нѣсколько шаговъ, прибывши къ мѣсту, откуда шумъ источника болѣе не былъ уже слышимъ, и шамъ остановились.

«Теперь, сказалъ Родольфъ Барону, должно вамъ открыть мнѣ тайнство, сею пещерою сокрываемое, о кошоромъ я точно знаю, что вы совершенно извѣстны. Но для чего ужасаетесь вы столько, когда смотрите на сію шпагу, и кто-таковъ сей убитый воинъ, у коего въ рукахъ нашель я ее?»

«Сей убитый воинъ, отвѣчалъ Баронъ, былъ мой отецъ.»

Родольфъ шрепещеть.

«И ты видишь во мнѣ его убійцу.»

Волосы ошъ содроганія вздымаются.

ся на головѣ у Родольфа; ярость сверкаешь въ его глазахъ.

Ошсрочь твое мщеніе, сказалъ Баронъ, и слушай меня до конца. Я чувствую, что часъ наказанія приближается, и что сверхъ-естественная сила принуждаетъ меня открыть ужасную испорію, копорую желалъ бы погребсти въ вѣчномъ забвеніи.

«Албертъ, Баронъ Дорнгеймъ, былъ твой отецъ. Онъ былъ мой братъ—мой старшій братъ. Онъ ѣхалъ изъ Святой земли для полученія наслѣдства, копорое послѣ смерти нашего отца ему по праву принадлежало; но тогда завидуя его благополучію и будучи ослѣпленъ скупосцію, я ему разсавилъ сѣть въ семь лѣсу, подь предводительствомъ шайки разбойниковъ, преданныхъ моимъ иншересамъ. Онъ былъ одинъ; но съ сею героическою храбросцію, копорою

природа его одарила, съ сею шпагою, кошорую часто омокалъ въ крови невѣрныхъ, онъ долго защищался прошивъ своихъ убійць. Наконецъ, угнетенный множествомъ, онъ палъ; но въ конвульсіяхъ смерти, онъ споль крѣпко сжалъ ножны своей шпаги, чшо одинъ изъ моихъ людей не могши у него оной вырвать, рѣшился опшрубить ему руку, еслибъ я ему въпомъ не воспрепятствоваль. Всѣ храбрые Кавалеры, бывшіе на войнѣ въ Святой землѣ, знали Албершову шпагу. Ежели бы она находилась въ моихъ рукахъ или у одного изъ моихъ подданныхъ, она моглабъ подать поводъ къ отккрытію нашего пресупленія. И такъ я имъ приказаль оставить ихъ богашую добычу, и зарыть съ тѣломъ въ глубинѣ сей пещеры. Слухъ распространился, чшо Албершь погибъ во время своего пу-

тешествія. На меня не пало никакого подозрѣнія; я наслѣдовалъ безъ малѣйшаго препяшснвїа Баронствомъ Дорнгѣйма, которымъ былъ я до сей минушы, по мнѣнію всѣхъ, миролюбивый владѣтель. Но не могли знать, что происходило въ моей виновной душѣ, часно въ торжественный часъ полночи, пѣнь умерщвленнаго моего брата представлялась моимъ взорамъ, иногда въ молчанїи, показывая мнѣ свои раны, и колебая окровавленною шпагою; иногда предвѣщая мнѣ мщенїе разипельнымъ голосомъ, коего даже звукъ среди удовольствїи и роскоши раздавался въ моихъ ушахъ. Онъ шо предсказалъ мнѣ смерть пяперыхъ моихъ сыновей, коихъ я лишился; но величайшее несчастїе, послѣдній ударъ, долженспвовавшїй довершишь мое наказанїе, дополнишь его мщенїе и разорипъ совершенно

вою фамилію. По предсказанію его долженъ и ожидать оное въ то время, когда увижу шпагу его въ рукахъ законнаго его наслѣдника. — Не ожидаешь ли я съ прешешомъ до шеперешней минушы сего роковаго часа? Сіе могушь знашь одни токмо шѣ, которые, подобно мнѣ, пролили кровь невинную. Я имѣлъ однакожь слабую надежду избѣгнушь его угрозъ, и дѣлалъ многія усилія, чпобъ овладѣть сею злополучною шпагою; но ужась, подвергнушь себя видѣшь мое преступленіе опкрытымъ, не позволялъ мнѣ употребить для исполненія моего намѣренія другихъ людей, кромѣ моихъ соумышленниковъ. Они покушались неоднократно въ семь предпріяшши, но смѣлость ихъ не была никогда въ соспоянїи презирашь ужасъ сей пещеры. Между тѣмъ я прибѣгалъ къ разнымъ способамъ, для ош-

крышя сего наследника, коему шпага была назначена; но весь плодъ, копорый я получилъ изъ моихъ изслѣдованій, былъ тотъ, что я узналъ о женидбѣ Алберта въ Прагѣ прежде еще его путешествія въ Свяшую землю, подъ инымъ именемъ, въ спрахъ, чшобъ ошець мой, копорый назначилъ ему другую супругу, не былъ увѣдомленъ о его женидбѣ; но я никогда не могъ узнатьъ, что сдѣлалось съ его женою, и имѣлъ ли онъ сына. И шакъ я оспался въ семь жестокомъ положеніи ужасной неизвѣспности до послѣдней ночи, въ копорую думалъ видѣшь въ васъ при первомъ вашемъ приходѣ мечшашельный предметъ моихъ ночныхъ боязней. Сынъ мой напомнилъ мнѣ ваше имя, и я силился скришь мое смяпеніе; но поразительная ваша сходспвенность съ благороднымъ Албертомъ наполняла

душу мою пагубными предвѣщаніями, и всѣ мои сомнѣнія кончились, при возрѣніи на вашу перстенъ, который я весьма помню, что видалъ у моего брата. Сего утра повѣствованіе ваше изъяснило мнѣ различныя обстоятельства, которыя освѣщали во мнѣ нѣкоторое сомнѣніе. Съ той минуты смерть ваша была опредѣлена, и я сдѣлалъ уже планъ къ вашему погубленію, какъ услышалъ съ содроганіемъ, что намѣреніе ваше было войти въ *Пещеру смерти*. Мнѣ не надлежало шептать ни минуты, чтобы воспрепятствовашъ вамъ овладѣть цпагою вашего опца. Последнимъ усиліемъ моего опчаянія ласкалъ я себя еще опврашивъ несчастія, которыя угрожали моему дому; мнѣ казалось, что таинственная сила спремила меня къ сему предпріятію, и влекла оное къ ужасу, который

всегда внушала въ меня даже опдаленный видъ оцъ театра моего преступленія. Я вооружилъ многихъ изъ моихъ подданныхъ, коимъ осмѣливался себя ввѣрить, и предводивъ съ собою ими, вошелъ я въ пещеру, надѣясь найсти васъ заблудившимися въ семь лабиринтѣхъ, прежде нежели вы еще моглибъ овладѣть шагою, оцъ копорой зависѣла судьба моя. Ободренные сею мыслию, ни я, ни двое соумышленниковъ въ убійствѣ вашего оцъ, копорые одни тогда жили, не чувствовали удара ужаса преступленія, надъ коимъ до той минуты мы не были власны; но достигши сего обширнаго свода, въ копоромъ вы меня нашли, страшный шумъ источника объялъ души наши и возбудилъ всѣ наши боязни. Мы всходимъ на берега, смопримъ на сію ужасную рѣку — Небо! мы увидѣли кровавую

рѣку. — Другіе изъ моей свиты, не участвовавшіе въ смертоубійствѣ Алберша, выпускаютъ вопль отъ ужаса, при воззрѣніи на сіе страшное чудо, и пустились въ бѣгство; но двое моихъ соумышленниковъ, коихъ руки были, равно какъ и мои, обгажены кровію Алберша, ослѣпли, подобно мнѣ, окаменѣлыми отъ удивленія и ужаса, какъ вдругъ чрезмѣрной величины скала, опдѣлившись отъ свода, раздавила сихъ двухъ людей, изъ коихъ одинъ былъ Морицъ, вашъ оруженосецъ, а другой давній мой подданный.»

« Морицъ ! вскричалъ Родольфъ. Какъ! Морицъ былъ измѣнникъ ? »

« Съ минушы, въ копорую открылъ я ему ваше рожденіе, сказалъ Баронъ, сообщенныя его боязни, привязанность ко мнѣ, а особливо награжденіе, копорое я ему обѣщаль,

принудили его вамъ измѣнишь; отъ него-шо я узналъ, что ваше намѣреніе было проникнушь въ пещеру.»

Баронъ хотѣлъ продолжашь, какъ вдругъ былъ прерванъ попопомъ лошадей. Онъ оспановился, и Родольфъ смотря около себя, увидѣлъ собраніе людей, копорые, будучи привлекаемы огнемъ, бывшимъ у него въ рукахъ, спѣшили прибыть къ нему. Когда они приблизились, шо можно было различить, что четверо изъ нихъ, копорые были пѣшіе, несли шрупъ на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ переплетенныхъ вѣшвей. Баронъ, коего душа приведена была въ движеніе роковаго предчувствія, силился ихъ спросить, и между шѣмъ, какъ они хотѣли отвѣчать, онъ сквозь нихъ спремится, поспѣшаепъ къ шрupu, и познаепъ блѣдное и обагрненное кровію тѣло своего сына.

Носильщики сложили съ себя бремя. Баронъ, не произнеся ни слова, бросаешся на носилки, и съ судорожнымъ всхлипываніемъ даешь свободное печеніе спраснямъ, копорыя перзали его душу. — Родольфъ приближаешся, и смотришь съ живѣйшимъ содроганіемъ на лице Фридерика. Вдругъ Баронъ оборачиваешся, и прежде нежели могли сомнѣвашся о его намѣреніи, вырываетъ изъ рукъ Кавалера Албершову шпагу, поражаетъ себя въ грудь, и падаетъ умирающъ на шѣло своего сына. Зришели окружающъ его, но было уже поздно ему помогать. Баронъ показываешъ имъ на Родольфа, и слабымъ голосомъ повелѣваешъ имъ почиташъ его впредь своимъ законнымъ господиномъ; потомъ вынимаешъ шпагу, оснавшуюся въ его шѣлѣ, и виновная душа его исходитъ съ пошюками крови.

Родольфъ падаетъ на колѣна и съ шрепетомъ молился грозному правосудію Бога, мспшпеля преспуленія.

Тѣ, кои окружали носилку и кощорые всѣ были подвластны Барону, приведенные въ уныніе, при видѣ кровопролитнаго произшествія, спрашивающъ другъ друга, что значилъ смыслъ послѣднихъ словъ ихъ господина. Родольфъ въ короткихъ словахъ, и не спрашивая о преступленіяхъ того, коего шло предъ ними распроспершо было, увѣдомилъ ихъ о изслѣдованіяхъ, копорыя дѣлалъ онъ въ сію ночь. Повѣспованіе его было удосповѣрено шѣмъ, кощораго нашли кроющагося въ пещерѣ, и копорый былъ при признаніяхъ Барона. Тощасъ всѣ они признали сына Албершова за законнаго господина, и просили его позволишь имъ шроводишь его въ замокъ; онъ на шо

согласился, и пошелъ съ ними. Тѣ, кои несли шѣло Фридерика, несли на той же носилкѣ шѣло опца его.

Родольфъ спрашивалъ ихъ о подробностяхъ Фридериковой смерти; они признались ему, что Баронъ послалъ ихъ убить его самого; но что обманувшись сходственностію плашья и оружія, они напали на Фридерика, и не прежде узнали свою ошибку, какъ тогда уже, когда онъ палъ подъ ихъ ударами. Когда они прибыли къ замку, въ кошоромъ главные офиціаншы и многіе слуги ожидали возвращенія своего господина, первыя извѣстія о его смерти разлили вдругъ нѣкоторую печаль. Родольфъ, собравъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ большую залу, сдѣлалъ имъ крапкую рѣчь, но сильную, въ кошорой доказалъ свои права надъ Бароншвомъ Дорнгейма, и сообщилъ

имъ свидѣтельспива споль ясныя, чшо википо не могъ сомнѣвашься, чшобъ сіе владѣніе не принадлежало ему, какъ законное наслѣдспиво его предковъ. Нѣкоторые изъ старѣйшихъ офиціаншовъ не забыли еще господина Алберша, и дорожили всегда его памяшью. Они испускали радоспные вопли, познавая его чершы въ его сынѣ, а какъ характеръ послѣдняго Барона не былъ споль силенъ, чшобъ привлечь къ нему всеобщую любовь, то и не было никого, кшо бы не принялъ новаго господина съ доказапельспвами сердечной радости.

Родольфъ пожелалъ тогда бышь одинъ, дабы подумашь хорошенько о чудныхъ произшесшвіяхъ сей ночи, и для успокоенія своего сердца опъ сильныхъ внуспренныхъ безпокойспвъ, которыя непредвидимыя отккрыпія ему причинили ; но между тѣмъ какъ

шелъ онъ по коридору, копорый велъ его къ его комнапъ, Сенешаль за нимъ слѣдовалъ, и спросилъ у него, что онъ ему прикажетъ дѣлать съ двумя женщинами, коихъ привезли въ сію ночь въ замокъ по приказанію стараго Барона. Родольфъ спросилъ, гдѣ онъ находящся, и когда Сенешаль ошворилъ двери комнапы, копорая выдавалась на одну сторону коридора, то новый Баронъ увидѣлъ Конспанцію. Удивительный и восхищенный, онъ къ ней спремился; но изумленіе и радость Конспанціи, казалось, превосходили еще ея любовника.

« Какія чудеса возвращаютъ васъ моимъ молишвамъ? вскричала она. Какой духъ, покровитель добродѣтели, избавилъ васъ отъ убійць, среди коихъ я васъ оспавила, когда меня сюда привезли? »

Родольфъ не понималъ сначала смыс-

ла ея словъ, но Леонора уже видя невозможнымъ, чѣмъ измѣна ея не была открыта, бросилась сама къ ихъ ногамъ, и добровольно во всемъ призналась. Тогда Родольфъ узналъ, что Констанція, обманушая хитростію служанки, опдалась во власнь Фридерика, не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія въ своей ошибкѣ; и что они были остановлены въ лѣсу полпою людей, посланныхъ отъ Барона, который былъ увѣдомленъ измѣною Морица о побѣгѣ Констанціи съ Родольфомъ. Фридерикъ видѣлъ себя принужденнымъ сойти съ лошади для защищенія. Тогда двое людей изъ полпы, по приказанію, которое они получили, схватили Констанцію съ Леонорою, и привезли въ замокъ, въ который за часъ они пріѣхали. На послѣдокъ онъ узналъ, что между симъ временемъ Констанція не пе-

рсставала предаватися чрезмѣрной печали, и оплакивашь мысленную смерть Родольфа.

Сии обспояпельства подали набожному Кавалеру новыя причины удивляться опредѣленію провидѣнія Божія, Который обратилъ на главу жершвъ Его правосудія преступленія, о коихъ они сами умышляли. Онъ не могъ опказашься опъ нѣкотораго удовольствія, видя, что непріатели его сами были орудіями собственнаго разрушенія, и что они избавили его печали мспить смерть своего отца надъ родспвенникомъ, который былъ ему столь близкимъ, какъ Баронъ,— и спорилъ о своемъ наслѣдствѣ съ другомъ, столь искреннымъ, каковъ былъ Фридерикъ до той минуты, въ которую гнусныя его предпріяшя опкрыли ему въ лѣсу черному его души. Конспанція съ восхищеніемъ

узнала, какимъ образомъ судьба содѣлала оборотъ въ благополучіи ея любовника.

Заря едва начинала появляться, какъ Родольфъ опправилъ курьера къ опцу Конспанціи. Онъ его увѣдомлялъ, что, по смерти послѣдняго Барона, онъ наслѣдовалъ въ его имѣніи опъ начальнаго владѣшеля опца его Алберта; въ то же время онъ увѣдомлялъ, что дочь его въ замкъ, и приглашалъ его самага пріѣхать къ нему для полученія свѣдѣнія о многихъ подробностяхъ, копорыя надлежало ему знать.

Опецъ Конспанціи прибылъ по сему приглашенію. Родольфъ весьма надѣялся, что опецъ, копорый по инпереснымъ причинамъ былъ уже въ намѣреніи пожертвовашъ единою дочерью споль недоспойному челоувѣку обладашъ ею, будетъ шакже

стараться ее отдать ему, когда увидишь его обладающим имѣніемъ и почестями своего соперника. Предложенія его были приняты съ величайшими доказательствомъ радости, и въ ожиданіи того времени, какъ бракъ могъ бытъ торжественъ съ приличнымъ великолѣпіемъ, Констанція возвратилась съ своимъ опцомъ въ замокъ Герцвальда, гдѣ Родольфъ, будучи тогда признанъ за Барона Дорнгейма, часто ее посѣщаль.

Онъ велѣлъ похоронить безъ церемоніи тѣло хищника владѣнія его и сына его, и будучи провождаемъ своими подданными, онъ возвратился къ *Пещерѣ смерти*, для выпесенія остатковъ несчастнаго своего опца. Плакавъ печальную его судьбину съ выраженіями, означающими нѣжность его и сыновнюю горячность, онъ велѣлъ его положить въ домовую

церковь замка со всѣми обрядами, кошорые Церковь предписываетъ ; вельль шоржесшвоватъ въ честь его знашныя похороны, и воздвигнулъ ему великолѣпную гробницу, надъ копорой роковая шпага была повѣшена.

Нѣсколько времени спустя , Родольфъ получилъ въ супружесшво Констанцію, и рука шой, копорая была предметомъ нѣжнѣйшей его любви, довершила благополучіе, коего добродѣтели его давали ему право шре-бовать.

КОНЕЦЪ.

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ МОСКВѢ И С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ.

Цена 5 рублей.